

Miscellanea

Смесь

ББК 63.3(2)43; УДК 94(47).043

В. В. Шапошник

«МЯТЕЖ» АНДРЕЯ СТАРИЦКОГО (ОСЕНЬ 1536 – ИЮНЬ 1537 Г.)

Не очень долгое правление Елены Глинской отмечено многими важными событиями. Это и строительство ряда крепостей, и монетная реформа, и война с Литвой. Кроме того, в период ее правления подверглись репрессиям многие видные представители знати — достаточно вспомнить события, связанные с арестом Юрия Дмитровского или князя Михаила Львовича Глинского и других летом 1534 г. В этом ряду наиболее опасным по своим возможным последствиям являлся так называемый «мятеж» удельного князя Андрея Ивановича Старицкого, произошедший в 1537 г. Отечественные исследователи неоднократно обращались к этому происшествию, высказывали свое мнение о ходе конфликта великокняжеского правительства и князя Старицкого¹. Вместе с тем, некоторые вопросы, связанные

¹ *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства 30–50-х годов XVI века. М.; Л., 1958. С. 53–74; *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. М., 1960. С. 243–248; *Юрганов А. Л.* Старицкий мятеж // Вопросы истории. 1985. № 2. С. 100–110; *Фроянов И. Я.* Драма русской

с этими событиями, еще не нашли своего решения. Данная статья представляет собой попытку ответить на некоторые из них.

«Мятежу» Андрея Старицкого предшествовало резкое осложнение ситуации в Казанском ханстве. Еще в сентябре 1535 г. в Казани произошел переворот — ставленник Василия III Яналей был убит, а новым ханом стал представитель крымской династии Сафа-Гирей². В результате обстановка на восточных границах России стала быстро обостряться. Особая опасность ситуации заключалась в том, что в то время продолжалась русско-литовская война. В декабре 1535 г. против ханства были направлены войска под командованием Семена Гундорова и Василия Замыцкого, однако успеха это выступление не имело. Наоборот, татары разграбили окрестности Нижнего Новгорода и ушли. Московские воеводы были срочно вызваны в столицу и брошены в тюрьму «да в страх и наказание иным будет»³. С этого времени набеги казанцев на окраины Русского государства стали обычным делом, с января 1536 г. нападения отмечены в окрестностях Нижнего Новгорода, Мурома, Балахны, Галича, Костромы⁴. Правительству пришлось держать значительные силы вблизи границы, прикрывая возможные места татарских ударов⁵.

В Летописце начала царства сохранилось известие о том, что «того же месяца учали вести приходити ... что збираетца казанской царь ... а помышляет идти на костромские места и на галичские». Услышав об этом, Иван IV и Елена Глинская послали своих воевод во Владимир и на Мещеру. Хан, узнав, что в Костроме и Галиче собраны крупные русские силы, изменил свои намерения, и неожиданно 15 января 1537 г. появился под Муромом⁶. Интерес к этому известию вызван тем, что, по сообщению Воскресенской летописи, князя Андрея вызвали в Москву как раз «казанского для дела»⁷. Представляется, что эти два известия необходимо рассматривать вместе, они связаны друг с другом. Полученные в столице данные о подготовке масштабного похода казанцев и стали предлогом для вызова Старицкого⁸. Можно попробовать определить время, когда в Москве были получены тревожные сведения о планах Сафа-Гирея.

Что означает выражение «того же месяца»? Предыдущая запись относится к отпуску из Москвы королевских послов, с которыми прошли переговоры, и было

истории: На путях к опричнине. М., 2007. С. 384–401; Кром М. М. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. М., 2010. С. 168–221. Обзор историографии смотри: Шапошник В. В. «Мятеж» Андрея Старицкого в отечественной историографии // Русские древности: К 75-летию профессора И. Я. Фроянова. СПб., 2011. С. 259–269.

² ПСРЛ. Т. 8. М., 2001. С. 291.

³ ПСРЛ. Т. 29. М., 2009. С. 20, 23–24.

⁴ ПСРЛ. Т. 29. С. 24; ПСРЛ. Т. 8. С. 291–292.

⁵ Разрядная книга 1475–1605 гг. М., 1977. Т. 1. Ч. 2. С. 264 и след.

⁶ ПСРЛ. Т. 29. С. 28.

⁷ ПСРЛ. Т. 8. С. 293.

⁸ И. И. Смирнов связывает вызов Андрея Старицкого в Москву с событиями декабря 1536 – января 1537 г., но ссылается при этом на летописные известия, относящиеся к началу 1536 г. (Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 56. Примеч. 12).

заключено перемирие с Литвой. Она датирована февралем 1537 г. Более раннее известие говорит о приезде литовских послов в январе 1537 г. Однако едва ли сведения о замыслах казанского хана были получены русским правительством в январе–феврале. Очевидно, это произошло гораздо раньше. Иначе получается следующее: Елена Глинская в самом начале 1537 г. получает тревожные известия — отправляет воевод и войска во Владимир и Мещеру — войска туда приходят — хан узнает об этом — меняет свои планы — наносит удар по Мурому, где его появления не ожидали. Причем у Муромы он оказывается 15 января 1537 г. Но это невозможно. Следовательно, первые известия о намерениях татар в Москве получили еще осенью 1536 г.

Данные о намечаемом походе казанских татар были использованы московским правительством для того, чтобы вызвать в столицу князя Андрея на совещание. Однако удельный князь в Москву не поехал, сославшись на болезнь. О болезни упоминают разные источники: как официальная Воскресенская летопись, так и «наказные речи» самого Старицкого⁹. Совпадение этих известий позволяет сделать однозначный вывод о том, что болезнь и была причиной, по какой Андрей Иванович отказался прибыть ко двору «великого для дела казанского». Но болезнь могла быть лишь предлогом. Именно так, на основании слов Воскресенской летописи, истолковал ситуацию И. И. Смирнов, отметивший, что болезнь носила «дипломатический характер»¹⁰. Другие исследователи считают, что удельный князь действительно был серьезно обеспокоен состоянием своего здоровья¹¹. О характере недомогания или о том, как его изображали стороны будущего конфликта, можно судить по сохранившимся источникам. Так, сам Старицкий указывал, что его «от осени постигла немочь великая». Мало того, ситуация настолько тяжела, что в Москву его даже весной могут только «на носилах волочить»¹². В столице же получили известия о том, что «болезнь его легка: сказывает не стегне болячка, а лежит на постеле»¹³.

Впрочем, официальная летопись отмечает, что сам Андрей Старицкий просил прислать из Москвы врача — «мастера Феофила», одного из лекарей, лечивших за несколько лет до этого Василия III¹⁴. Похожая «болячка», как справедливо указывает М. М. Кром, свела в могилу великого князя, что и объясняет обеспокоенность удельного правителя этой «легкой» болезнью¹⁵. Можно считать, что первоначально Старицкий действительно был обеспокоен своим здоровьем, иначе

⁹ ПСРЛ. Т. 8. С. 293; Наказные речи Андрея Старицкого // СГГД. Ч. 2. М., 1819. С. 37. № 30.

¹⁰ Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 56.

¹¹ Юрганов А. Л. Старицкий мятеж. С. 104; Кром М. М. «Вдовствующее царство»... С. 182.

¹² Наказные речи Андрея Старицкого // СГГД. Ч. 2. С. 37. № 30.

¹³ ПСРЛ. Т. 8. С. 293.

¹⁴ ПСРЛ. Т. 8. С. 293; Т. 34. М., 1978. С. 18, 21.

¹⁵ Кром М. М. «Вдовствующее царство»... С. 182; ПСРЛ. Т. 34. С. 18. — На сходство болезни Василия III и Андрея Старицкого обратил внимание И. Я. Фроянов, который задается вопросом: «Уж не потому ли Василий помер, что его лечили и залечили, тогда как Андрей отлежался в постели, не прибегая к услугам докторов?» (см.: Фроянов И. Я. Драма русской истории. С. 281).

трудно объяснить, почему он сам попросил прислать столичного врача. Но весной 1537 г. князь Андрей был вполне здоров, и его заявления в «наказных речах», датированных апрелем, о том, что он не может явиться в Москву из-за «великой немочи», являются явным преувеличением¹⁶. В этой связи интересно отметить, что автор Повести о поимании князя Андрея Ивановича Старицкого, явно сочувствовавший удельному князю, нигде не упоминает о его болезни как причине для отказа от поездки в столицу. Ни о каких проблемах со здоровьем там вообще не говорится¹⁷. Таким образом, болезнь или опасения серьезного ухудшения состояния здоровья у князя Андрея могли иметь место осенью 1536 г., но не весной 1537 г.

Но когда же Старицкий был приглашен в Москву для совещания о казанских делах? Вообще точная датировка событий, связанных с «мятежом» удельного князя крайне затруднена из-за характера источников, которые очень редко называют даты. Попробуем все же разобраться в этом вопросе. День побега Андрея Ивановича из Старицы хорошо известен — это 2 мая 1537 г.¹⁸ В Повести о поимании удельного князя есть еще одно точное число — 12 «того же месяца», которое относится к событиям, предшествующим побегу¹⁹. Еще И. И. Смирнов установил, что выражение «того же месяца» может относиться только к апрелю 1537 г.²⁰ Следовательно, 12 апреля 1537 г. Старицкий отправил в Москву для переговоров, или, как пишет источник, «бити челом о своих великих обидах» своего боярина князя Федора Дмитриевича Пронского²¹. Удельный представитель имел с собой «наказные речи», адресованные великому князю Ивану IV и его матери Елене Глинской. В них поименно названы посланцы, которыми обменивались Москва и Старица в предшествующие месяцы. Первым в этом ряду назван столичный посланец князь Василий Федорович Оболенский, с предписанием Андрею Ивановичу явиться к государю, затем прибыл князь Василий Семенович Серебряный с тем же требованием. Из удела ко двору был отправлен князь Юрий Андреевич Оболенский с объяснениями того, почему князь Андрей не может ехать в Москву: «грехом своим в своей болезни к тебе, ко государю, ехать не мочно». Затем, «нынеча» из столицы приехал князь Борис Дмитриевич Щепин с повелением «к себе ехать, с великим запрещеньем, однолично, как ни иметца»²².

Когда же происходили эти обмены посольствами? Проще всего определить, когда в Старице находился Б. Д. Щепин. В Повести о поимании Андрея Старицкого указывается, что Щепин должен был потребовать от удельного правителя отправки своих войск в Коломну, причем ему следовало лично проконтролировать, какое количество детей боярских отправится на службу. После описания ухода войск,

¹⁶ Наказные речи Андрея Старицкого // СГГД. Ч. 2. С. 37. № 30.

¹⁷ Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. // Тихомиров М. Н. Русское летописание. М., 1979. С. 221–224.

¹⁸ ПСРЛ. Т. 8. С. 293; Т. 29. С. 29; Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. С. 222.

¹⁹ Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. С. 222.

²⁰ Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 57. Примеч. 19.

²¹ Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. С. 222.

²² Наказные речи Андрея Старицкого // СГГД. Ч. 2. С. 37. № 30.

Повесть говорит о том, что «того же месяца» 12 числа Андрей Иванович отправил в Москву своего представителя Ф. Д. Пронского. Но мы уже знаем, что это было в апреле. Таким образом, удельные силы отправились в поход к Коломне в апреле, а князь Щепин, как справедливо заметил М. М. Кром, прибыл в Старицу в конце марта или самом начале апреля²³. Кроме того, сам князь Андрей в своих «наказных речах» пишет о том, что Щепин приехал в удельную столицу «нынеча», что предполагает, что это произошло совсем недавно, а учитывая, что «речи» писались в апреле, то очевидно — вывод М. М. Крома является верным.

Сложнее дело обстоит с другими посольствами, упоминаемыми в «наказных речах». М. М. Кром пишет о том, что интервал между миссиями, посылаемыми из столицы в Старицу, составлял не меньше двух недель, так как правительству требовалось обдумывать ответы, составлять инструкции, а посланцам выполнять в уделе еще и разведывательные функции, как об этом говорит Воскресенская летопись²⁴. По расчетам исследователя получается, что В. С. Серебряный мог появиться в Старице в середине марта, а В. Ф. Оболенский — в конце февраля. В этой связи М. М. Кром упоминает, что 18 февраля в Москве были завершены переговоры, завершившие Стародубскую войну, а 20 февраля литовское посольство покинуло русскую столицу. Ученый связывает завершение переговоров и отъезд посольства с миссией князя В. Ф. Оболенского с требованием Андрею Старицкому явиться в Москву, так как именно теперь, после урегулирования отношений с Литвой, правительство решило пойти на резкое обострение конфликта²⁵.

Построения М. М. Крома интересны, но, по моему мнению, имеют два уязвимых места. Во-первых, исследователь в свои расчеты не включил миссию из Старицы в Москву князя Ю. А. Оболенского, о которой известно из «наказных речей» удельного правителя²⁶. Но эта миссия, очевидно, удлиняет и все время обмена посольствами между Андреем Ивановичем и Еленой Глинской. Во-вторых, интервал в две недели, из которого исходит М. М. Кром, достаточно произволен и выведен из ряда предположений. Вполне может быть, что этот интервал составлял не две недели, а, например, месяц. Поэтому, как мне представляется, едва ли можно связывать отправку в удел В. Ф. Оболенского с требованием князю Андрею явиться в Москву с завершением русско-литовских переговоров. Столичный представитель мог прибыть в Старицу и в конце февраля, и в его начале, и даже в январе или декабре. Другое дело, что перевод конфликта в открытую фазу едва ли мог быть осуществлен правительством без урегулирования отношений с Литвой.

Возвращаясь к «наказным речам» князя Андрея, следует обратить внимание на то, что он мотивирует отказ от поездки в Москву тяжелой болезнью, которая началась еще осенью. К моменту составления этого «наказа» Старицкий «болел» никак не меньше четырех месяцев, что само по себе для Елены Глинской было

²³ Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. С. 222; Кром М. М. «Вдовствующее царство»... С. 184.

²⁴ ПСРЛ. Т. 8. С. 293.

²⁵ Кром М. М. «Вдовствующее царство»... С. 184–185.

²⁶ Наказные речи Андрея Старицкого // СГГД. Ч. 2. С. 37. № 30.

подозрительно, особенно учитывая сведения, полученные от «мастера» Феофила о «легкости» самой болезни²⁷. Можно вспомнить и то, что «болячка» на ноге привела Василия III к смерти за три месяца²⁸. Весной 1537 г. правительнице и ее окружению было совершенно очевидно, что нежелание явиться ко двору связано вовсе не с болезнью, а с совсем другими причинами.

Следует также отметить, что в «наказных речах» нет ни слова о том, для чего в столицу вызывают Старицкого, хотя из Воскресенской летописи известно, что его приглашали на совещание о казанских делах²⁹. Представляется, что московские представители, приезжавшие в Старицу, просто требовали явки князя Андрея ко двору, иначе причина приглашения была бы, вероятно, отмечена в «наказных речах». Ничего здесь не говорится и о лекаре Феофиле, о поездке которого к удельному князю мы знаем из официальной летописи³⁰. Но московскому летописцу едва ли нужно было выдумывать этот эпизод. Можно сделать вывод, что «наказные речи» говорят отнюдь не обо всех контактах между Москвой и Старицей, предшествующих «мятежу» удельного князя, а лишь с того момента, когда правительство стало просто требовать приезда Андрея Ивановича в Москву.

Первое же приглашение князя Андрея ко двору на совещание о казанских делах поступило, по моему мнению, осенью 1536 г., когда в столице получили сведения о готовящемся нападении татар. Отговорившись болезнью, удельный правитель попросил прислать врача, что и было исполнено. Однако «мастер» Феофил счел болезнь «легкой». С этого момента, как пишет официальная летопись, «князь же великий и его мати ... о том в великом сумнении что к ним князь Андрей великого для дела казанского не приехал». Учитывая различные придворные толки и слухи о намерениях Старицкого бежать, о которых также сообщает Воскресенская летопись³¹, нет ничего удивительного в том, что Елена Глинская посчитала поведение удельного правителя крайне подозрительным.

Спустя какое-то время в Старицу зачастили московские посланцы, имевшие явной задачей наведение справок о здоровье удельного правителя и о «иных делах», но выполнявшие в то же время и другие, разведывательные функции. Вполне вероятно, что именно эти посланцы и фигурируют в «наказных речах» князя Андрея. В столице донесения посланников могли вызвать только еще большее беспокойство: оказалось, что при старицком дворе «люди ... прибылые есть, которые не всегда у него живут». Кроме того, через знакомых московским представителям удалось выяснить, что удельный князь «лежит за тем, к Москве ехать не смеет»³².

Позиция Андрея Старицкого по-человечески очень понятна: опасения за свою судьбу, боязнь, что с ним поступят так же, как с его братом Юрием Дмитровским, очевидно, отравляла ему жизнь. Осеннее приглашение в столицу для совещания

²⁷ ПСРЛ. Т. 8. С. 293.

²⁸ ПСРЛ. Т. 29. С. 9–10; Т. 34. С. 18–23.

²⁹ ПСРЛ. Т. 8. С. 293.

³⁰ Там же.

³¹ Там же.

³² Там же.

о казанских делах могло только усилить его опасения. Князь решил — в Москву не ездить. Для оправдания была использована «болячка» на ноге, которая, возможно, действительно беспокоила удельного правителя. Но эта «болезнь», даже если она и была в действительности, оказалась неопасной, о чем и сообщил великой княгине Елене «мастер» Феофил.

Едва ли можно будет когда-нибудь прийти к окончательному выводу о том, собиралась ли правительница арестовать в столице Андрея Ивановича осенью 1536 г. Понятно одно: исчезновение удельного князя — естественного соперника Ивана IV — было бы для великой княгини и ее окружения очень выгодно. Поэтому, как представляется, получив первоначально известия о болезни Старицкого, она могла и обрадоваться. В самом деле, князь Андрей был уже не молод — за сорок пять лет — возраст солидный по тем временам. «Болячка» на ноге убила несколько лет назад ее мужа, великого князя Василия Ивановича. Все могло устроиться самым лучшим образом, если удельный князь умрет от болезни. Но оказалось, что болезнь «легка». И поступающие от посланцев сведения настораживали: наличие при удельном дворе «прибылых» людей и упорное нежелание князя Андрея явиться в Москву, несмотря на то, что при дворе уже прекрасно знали о том, что если болезнь и была, то она уже в прошлом.

В таких условиях московские правители и приняли окончательное решение об аресте Старицкого. Вероятно, это решение было принято самое позднее в марте 1537 г. К этому моменту было уже понятно, что удельный князь не собирается приезжать в столицу, поэтому придется проводить арест в другом месте. Это решение и было упомянуто в одной из летописей: «Того же лета здумав великая княгини Елена з бояры имати князя Ондreja Ивановича»³³. Однако чтобы осуществить задуманное без лишнего «шума», необходимо было постараться по возможности ослабить силы князя Андрея. Неслучайно автор Повести о поимании Старицкого указывает на замысел правительства «отвести» от удельного правителя его людей³⁴. Как представляется, именно в этом и заключалась основная миссия князя Бориса Щепина, прибывшего в Старицу, как мы знаем, в конце марта – начале апреля 1537 г. Приглашение в Москву, которое передал великокняжеский посланец, было уже простой формальностью, так как при дворе прекрасно понимали, что удельный князь в Москву не поедет. Другое дело — предписание отправить войска в Коломну под командованием Ю. А. Оболенского. Большого не выполнить было довольно проблематично. Отказ означал открытый разрыв с Москвой, отговориться было нельзя.

Старицкий решил выполнить требование правительницы. На глазах Щепина в поход были отправлены удельные войска: дворяне и дети боярские городовые из Старицы, Алексина, Вереи и Вышгорода³⁵. Следует заметить, что сбор войск произошел быстро, очевидно, многие из отправившихся в поход уже находились в удельной столице и были теми самыми «прибылыми» людьми, которые «не всегда

³³ ПСРЛ. Т. 26. М., 2006. С. 317.

³⁴ Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. С. 222.

³⁵ Там же.

у него (князя Андрея. — В. Ш.) живут», о чем сообщали великой княгине Елене ее посланцы³⁶. Сам подтверждающийся факт нахождения этих людей при старицком дворе свидетельствует, на мой взгляд, о том, что Андрей Иванович стремился иметь под рукой военную силу в случае обострения ситуации. Выход Ю. А. Оболенского с отрядом, очевидно, имел место до 12 апреля, до посылки из Старицы в Москву на переговоры князя Ф. Д. Пронского, так как в Повести о поимании Андрея Старицкого эти события следуют друг за другом³⁷. От Старицы до Коломны по прямой 289 км, а по дорогам — 333 км³⁸. Когда же удельный отряд мог оказаться на службе в Коломне? По правилам первой половины XX в., нормальная суточная работа лошади 7–8 часов при средней скорости 7–8 км/час. Обычный суточный переход составляет 50–60 км. Возможны и форсированные переходы, но они могли быть 70–75 км в сутки и после двух дней движения необходимы дневки (при нормальном переходе — через 2–3 дня). В исключительных случаях можно пройти за сутки до 100 км, но так можно двигаться не более двух суток, а затем необходим полный отдых не менее двух суток³⁹. Учитывая то, что у старицкого воеводы князя Юрия Андреевича Оболенского не было, вероятно, стимула к форсированному маршу, а также то, что необходимо было вести вооружение и припасы, возможную весеннюю распутицу, едва ли его дневные переходы превышали 40 км. До Коломны отряд добрался, как представляется, дней за десять–двенадцать. К сожалению, неизвестно число, когда он вышел из Старицы, но, учитывая то, что самое позднее это могло произойти 11 апреля, то на службе удельные войска оказались в начале 20-х чисел апреля.

И. И. Смирнов считал ошибочным шагом Старицкого посылку удельных войск в Коломну⁴⁰. Однако этот исследователь исходил из того, что князь Андрей действительно готовил антиправительственное выступление. При таком подходе ослабление сил перед началом «мятежа» выглядит явной ошибкой. Но если предположить, что удельный князь не собирался поднимать «мятеж», то его шаг с отправкой войск выглядит вполне логичным. В самом деле, нельзя было не видеть, что силы центрального правительства и удела явно не равны. Рассчитывать на помощь извне после заключения перемирия с Литвой было бессмысленно. Представляется, Старицкий этим шагом стремился снять с себя подозрения, нормализовать отношения с Москвой, дожидаться того, чтобы его «оставили в покое». В этом ключе совершенно естественной следует считать и отправку 12 апреля к великокняжескому двору князя Федора Дмитриевича Пронского «бити челом о своих великих обидах»⁴¹. «Наказные речи», которые вез Пронский, свидетельствуют, по моему мнению, о желании разрядить обстановку, добиться от правительства ответных шагов, или

³⁶ ПСРЛ. Т. 8. С. 293.

³⁷ Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. С. 222.

³⁸ Здесь и далее расчеты расстояний по данным сайта: [\(http://whogoule.ru/place/distance?city%5BO%5D%\)](http://whogoule.ru/place/distance?city%5BO%5D%) (последнее посещение — 27 декабря 2012 г.)

³⁹ Федоренко Л. Тактика конницы. М., 1936. С. 6–7.

⁴⁰ Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 57.

⁴¹ Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. С. 222.

«политической компенсации», как выразился И. И. Смирнов⁴². Стремления князя Андрея выражены ясно: «и выб, государи, пожаловали, показали милость, огрели сердце и живот, холопу своему своим жалованьем, как бы, государыня, мочно и надежно холопу вашему, вашим государским жалованьем, вперед быть безкорбно и безкручинно, как вам, государям, Бог положит на сердце»⁴³. Однако в действительности в Москве уже было принято решение об аресте Старицкого. Поэтому, как представляется, решительные действия начались, как только в столице получили точные известия о приходе основных удельных военных сил в Коломну.

Воскресенская летопись передает дальнейшие события следующим образом: Ф. Д. Пронский еще не успел приехать в Москву, как сын боярский Андрея Старицкого князь Василий Федорович Голубой Ростовский прислал Овчине Телепневу своего человека Еремку с сообщением о том, что «князю Андрею одноконечно наутро бежати». После этого великая княгиня послала в Старицу епископа Досифея Крутицкого, архимандрита Филофея Симоновского и протопопа Спасского. Они должны были убедить удельного князя в том, что у правительства «лиха в мысли нет никоторого». В случае же если Андрей Иванович не поверит, а побежит, то за ним были посланы правительственные воеводы «со многими людьми». Пронского также решили «поймать» и привести в Москву. Однако один из его свиты сын боярский Сатин смог бежать и сообщить Старицкому о захвате его представителя. Тогда же в Старицу примчался еще один сын боярский Яков Веригин с Волока, сообщивший Андрею, что «приехали на Волок великого князя бояре, князь Никита да князь Иван Овчина Оболенские, с многими людьми, а едут тебя имати». После этого удельный князь «часа того побежал и с княгинею и с сыном, мая 2 день»⁴⁴.

Версия официальной летописи может показаться довольно логичной, однако некоторые исследователи вполне обоснованно ставят ее под сомнение⁴⁵. Попробуем разобраться в этом. Обратимся к сообщению о князе В. Ф. Голубом Ростовском. То, что он сообщил в Москву о побеге Старицкого, подтверждается и другим источником — Повестью о поимании князя Андрея. По словам Повести, Ростовский «ещо из города из Старици послал к Москве слугу своего Ерему к великого князя дьяку к Федору к Мишуруину с тою вестью, что князь Ондрей Иванович пошел из Старици»⁴⁶. Важность услуги, которую оказал В. Ф. Голубой Ростовский правительству, подчеркивается и тем, что после «мятежа» он получил назначение, зафиксированное в Разрядной книге⁴⁷. И Воскресенская летопись и Повесть независимо друг от друга сообщают о том, что Ростовский отправил сообщение в Москву буквально накануне 2 мая 1537 г. — дня, когда князь Андрей бежал из Старицы. Получается, что слуга Ерема мог добраться в столицу через

⁴² Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 57.

⁴³ Наказные речи Андрея Старицкого // СГГД. Ч. 2. С. 38. № 30.

⁴⁴ ПСРЛ. Т. 8. С. 293.

⁴⁵ Юрганов А. Л. Старицкий мятеж. С. 105–107; Крам М. М. «Вдовствующее царство»... С. 186.

⁴⁶ Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. С. 222.

⁴⁷ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. С. 274.

несколько дней — только 3 или 4 мая. Следовательно, принимать какие-то меры против беглеца, если следовать Воскресенской летописи, могли только с этого времени. Однако, по официальному источнику, войска на Волок были отправлены еще до побега князя Андрея, и арест его посланника Пронского произошел также до побега. Именно после этих событий, по сообщению Воскресенской летописи, бежал Старицкий. Но, по этой же летописи, никаких мер против удельного князя до сообщения Еремы не было. Налицо явное противоречие, которое не позволяет принять последовательность событий, изложенную в официальной летописи.

Кроме того, исследователи обратили внимание на следующий факт: делегация духовенства, отправленная, по официальной версии, в Старицу, выехала также только после сообщения, привезенного Еремой. Однако сохранились документы, которые свидетельствуют о том, что наказ для этой делегации готовился раньше — черновой вариант имеет дату 29 апреля, которая затем была зачеркнута и вставлена другая — 4 мая⁴⁸. Получается, что делегация духовенства готовилась еще до того, как от Еремы стало известно о предполагаемом побеге. Но до 4 мая никто так и не выехал. Но к этому времени в Москве должно было стать уже точно известно, что князь Андрей бежал, и посылка делегации перестала иметь смысл. Поэтому М. М. Кром, вероятно, прав, когда пишет, что если церковные иерархи и выехали, то вернулись, не достигнув цели⁴⁹.

Приведенные примеры показывают, что последовательность событий в Воскресенской летописи действительно нарушена, как об этом писали А. Л. Юрганов и М. М. Кром. В Летописце начала царства таких явных противоречий нет: рассказ о князе Ростовском убран, посольство Ф. Д. Пронского также не упоминается, что позволяет сделать рассказ более логичным и не имеющим хронологических неувязок. Просто великая княгиня «чаючи того, что князь Ондрей к Москве не едет» отправила в Старицу делегацию духовенства «дати слово свое правое, что у них лиха нет никоторого», а на Волок были отправлены воеводы на тот случай, если Старицкий не поверит и побежит со своего удела. Затем произошла случайность: делегация не успела прибыть к Андрею Ивановичу, а с Волока «пригонил» Яков Веригин и сообщил Старицкому о том «будто бояре великого князя едут князя имати». После этого удельный правитель «дрогнул да из вотчины из свое побегал месяца мая в 2 день»⁵⁰. Однако Летописец начала царства игнорирует известные по другим источникам факты, поэтому обратимся к рассказу Повести о поимании князя Андрея Старицкого.

По ее сведениям, как мы уже знаем, 12 апреля 1537 г. Старицкий отправил в Москву для переговоров князя Федора Дмитриевича Пронского. Когда посланец находился на Истре за «30 поприщ» от столицы в селе Павловском, принадлежавшем Поплевину Морозову, «встретиша его некто от великого князя дворян» И. Ф. Карпов и «яша князя Федора и ведоша его к Москве». Здесь удельного боярина посадили во дворе князя Андрея Ивановича. А 2 мая Старицкий

⁴⁸ Юрганов А. Л. Старицкий мятеж. С. 106; Кром М. М. «Вдовствующее царство»... С. 195.

⁴⁹ Кром М. М. «Вдовствующее царство»... С. 197.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 29. С. 29.

«пошел из своей отчины ... истерпевшись от своих великих обид»⁵¹. К сожалению, рассказ Повести не содержит даты, когда был задержан князь Ф. Д. Пронский. Следовательно, нет возможности определить, сколько времени реально прошло от ареста Пронского до бегства Андрея Ивановича. Можно лишь заметить, что ко 2 мая удельный представитель уже находился в Москве во дворе своего господина. По логике этого рассказа, бегство Старицкого непосредственно связано с задержанием Пронского. То есть, князь Андрей Иванович узнал, что его представитель схвачен московскими властями.

Имеется возможность реконструировать события, которые привели великокняжеского дядю к тому, что он «пошел» из своей вотчины. Для этого необходимо использовать данные Воскресенской летописи, которая, несмотря на всю свою тенденциозность, тем не менее, по словам М. М. Крома, не измысливала те или иные эпизоды, а лишь располагала их в определенной последовательности⁵². Итак, ясно, что в промежуток времени с 12 апреля по 2 мая Пронский был схвачен и доставлен в Москву. Причем схватили его примерно в 30 верстах от столицы, как сообщает Повесть. Когда же это произошло? А. Л. Юрганов и М. М. Кром принимают расстояние от Старицы до Москвы равным 160–180 км⁵³. По современным дорогам расстояние между этими пунктами 220 км, а по прямой — 187 км. Сколько же километров мог проделывать в день Ф. Д. Пронский на своем пути к Москве? Известно, например, что Андрей Старицкий со своим отрядом после побега за день проделал путь в 60 верст⁵⁴. Однако у него были исключительные обстоятельства, которых не было за несколько недель до этого у его посланца Пронского. Едва ли он со своими спутниками проезжал в день больше нескольких десятков верст. В 30 верстах от Москвы удельный представитель мог оказаться примерно 20 апреля, плюс–минус несколько дней.

И. И. Смирнов, излишне доверяя последовательности событий, изложенной в Воскресенской летописи, считал, что Пронский или ожидал дополнительных инструкций от князя Андрея, или добывал сведения о положении в Москве⁵⁵. Это мнение было подвергнуто справедливой, на мой взгляд, критике М. М. Кромом, который назвал гипотезу И. И. Смирнова «искусственной и произвольной»⁵⁶. Очевидно, что последовательность событий и хронология в Воскресенской летописи нарушена, и, учитывая это, нет необходимости пытаться объяснить, почему в самом конце апреля Пронский еще не доехал до Москвы. В действительности, в селе Павловском, в 30 верстах от столицы он оказался, как мы уже писали, примерно 20 апреля, когда был задержан и доставлен в Кремль. Гораздо более убедительно мнение о том, что в Москве с удельным представителем велись переговоры — ведь первое время он

⁵¹ Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. С. 222.

⁵² Кром М. М. «Вдовствующее царство»... С. 193.

⁵³ Юрганов А. Л. Старицкий мятеж. С. 105; Кром М. М. «Вдовствующее царство»... С. 194.

⁵⁴ ПСРЛ. Т. 8. С. 293.

⁵⁵ Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 61–62. Примеч. 36.

⁵⁶ Кром М. М. «Вдовствующее царство»... С. 186.

находился не заключении, а скорее, под домашним арестом — в кремлевских палатах своего князя⁵⁷.

Во время задержания Ф. Д. Пронского смог уйти «Судок Дмитриев сын Сатин», один из детей боярских князя Андрея. Он «прибежал к своему князю», сообщил о произошедшем и кроме того рассказал о том, что, по слухам, великий князь послал князей Никиту и Ивана Овчину Оболенских со многими людьми схватить Старицкого⁵⁸. Можно понять, что в данном случае Сатин торопился добраться в Старицу, так как летопись употребляет слово «прибежал». Если Ф. Д. Пронский был задержан, как мы старались показать, около 20 апреля, то, вероятно, Сатин доставил новости князю Андрею в течение нескольких дней, едва ли позднее. Оставшиеся до бегства дни — не менее недели — удельный князь, вероятно, употребил на то, чтобы собрать оставшиеся после ухода в Коломну Ю. А. Оболенского военные силы.

Воскресенская летопись сообщает еще и о том, что «за» князем Андреем были посланы Оболенские «со многими людьми». Впрочем, официальная летопись мотивирует эту отправку войск лишь как меру предосторожности, на тот случай, если Старицкий не поверит делегации духовенства, отправленной, по словам источника, в удельную столицу одновременно с отрядом князей Оболенских⁵⁹. Более поздний Летописец начала царства указывает, что правительственные силы должны были «стояти» на Волоке⁶⁰, а не идти «за» Старицким. Очевидно, это изменение было связано со стремлением снять ответственность за последующие события с великокняжеской стороны. Установлено, что делегация духовенства из Москвы до начала мая так и не выехала, хотя документы для нее стали готовиться, по крайней мере, 29 апреля⁶¹. Очевидно, что в таких условиях правительственные силы, которые, как известно, выступили из Москвы, в реальности должны были оказаться в Старице раньше посланцев митрополита Даниила. И. И. Смирнов удачно назвал всю историю с делегацией духовенства «дипломатическим прикрытием действительной политики в отношении Андрея Старицкого»⁶².

Известно, что с Волока в Старицу «пригонил» сын боярский князя Андрея Яков Веригин, с сообщением о том, что «приехали на Волок великого князя бояре, князь Никита да князь Иван Овчина Оболенские, с многими людьми, а едут тебя (Андрея Старицкого. — *В. Ш.*) имати»⁶³. Именно после этого известия удельный князь «часа того» бежал из своей столицы 2 мая. Несколько иначе формулирует

⁵⁷ Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. С. 222; Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 62. Примеч. 36; Юрганов А. Л. Старицкий мятеж. С. 107; Кром М. М. «Вдовствующее царство»... С. 187.

⁵⁸ ПСРЛ. Т. 8. С. 293.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ ПСРЛ. Т. 29. С. 29.

⁶¹ Кром М. М. «Вдовствующее царство»... С. 195.

⁶² Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 61. — Впрочем, исследователь допускал, что это «последний акт московский дипломатии в отношении старицкого князя».

⁶³ ПСРЛ. Т. 8. С. 293.

произошедшее Летописец начала царства: «князь Ондрей от того дрогнул да из вотчины из своее побежал»⁶⁴. По смыслу этих известий получается, что Яков Веригин «пригонил» в Старицу буквально накануне 2 мая, очевидно, 1 числа. Вопрос состоит в том, когда Веригин выехал с Волока, чтобы прибыть в Старицу 1 мая. Расстояние между Волоколамском и Старицей по современным дорогам 106 км, по прямой — 83 км. Очевидно, что сын боярский торопился и путь проделал примерно за сутки, то есть с Волока он должен был выехать 30 апреля. Вероятно, 29–30 апреля на Волоке появились правительственные войска.

Следующий вопрос, на который необходимо постараться дать ответ — когда Оболенские с военным отрядом вышли из Москвы. От Москвы до Волоколамска по прямой 108 км, а по дорогам — 118 км. Это расстояние значительный отряд мог преодолеть за два–три дня. Получается, что из Москвы князя Оболенские отправились не позже 26–27 апреля. Обратим внимание также на то, что по нашим приблизительным расчетам получается, как уже отмечалось, что донос князя Голубого Ростовского, отправленный, скорее всего, в ночь с первого на второе мая⁶⁵, никак не мог привести к тем действиям московской стороны, которые в официально летописи трактуется как реакция на это сообщение, переданное слугой Ростовского Еремой.

Итак, в промежуток времени между 12 апреля, когда Андрей Иванович отправил в Москву своего представителя Ф. Д. Пронского, и 2 мая, когда Старицкий бежал из своей столицы, события развивались следующим образом. Удельный князь, вероятно, не собирался поднимать «мятеж», понимая неравенство сил. В то же время он опасался за свою жизнь, в случае приезда в Москву. Отправлением войск на службу по требованию московской стороны князь Андрей стремился продемонстрировать свою лояльность Ивану IV и великой княгине Елене, рассчитывая в то же время на некие ответные шаги со стороны центрального правительства. Однако к тому времени уже было принято решение об аресте удельного князя, что определило дальнейшие события. Выехавший 12 апреля для переговоров Пронский был около 20 апреля задержан и препровожден в Москву. Один из его свиты, сын боярский Сатин, смог скрыться и сообщил о произошедшем событии Старицкому, который приступил к сбору оставшихся в его распоряжении военных сил. 26–27 апреля из Москвы выступил правительственный отряд князей Оболенских. На Волок они прибыли 29–30 апреля. Яков Веригин прибыл с сообщением об этом к старицкому двору 1 мая. А на следующий день, 2 мая, князь Андрей Иванович выехал из своей столицы. Накануне этого Голубой Ростовский отправил в Москву своего слугу с сообщением о том, что Старицкий принял окончательное решение бежать. Следует отметить, что посылка князем Василием Федоровичем Ростовским известий правительству о планах удельного князя и миссия его слуги Еремы вызывают вопросы. В самом деле, по Повести о поимании, Ерема был отправлен в Москву к дьяку Федору Мишуруину⁶⁶, а по Воскресенской летописи —

⁶⁴ ПСРЛ. Т. 8. С. 293; Т. 29. С. 29.

⁶⁵ ПСРЛ. Т. 8. С. 293; *Тихомиров М. Н.* Малоизвестные летописные памятники XVI в. С. 222.

⁶⁶ *Тихомиров М. Н.* Малоизвестные летописные памятники XVI в. С. 222.

к И. Ф. Овчине Оболенскому, который о новостях сообщил Ивану IV и великой княгине Елене⁶⁷. Однако Овчина в первых числах мая должен был находиться уже на Волоке и лично Глинской сообщить ничего не мог. Он мог только отправить к ней гонца с известиями. Возможно, этот эпизод Воскресенской летописи должен был лишний раз подчеркнуть ответный характер действий великокняжеской стороны. Делегация духовенства, которая должна была убедить князя Андрея в отсутствии коварных замыслов у правительства, так и не выехала до 2 мая в удел. Вообще вся эта миссия выглядит достаточно неприглядно, так как активные действия начались еще до даты ее первоначально планируемого отъезда (29 апреля). В сложившихся обстоятельствах Андрей Старицкий вынужден был бежать, спасая свою свободу и жизнь, у него просто не было другого выхода. Неслучайно одна из летописей отмечает, что удельный князь поехал «не своею волею»⁶⁸, а был вынужден силой обстоятельств. А. Л. Юрганов обратил внимание на то, что 2 мая праздник князей Бориса и Глеба, и высказал предположение о том, что удельный князь специально выбрал этот день, намекая на то, что «он не хочет повторить злополучную судьбу князей-мучеников»⁶⁹. Однако более прав, по нашему мнению, М. М. Кром, который писал о том, что Старицкому было не до выбора дня бегства⁷⁰.

Для великой княгини и ее окружения самое позднее с начала 1537 г. арест удельного князя стал первоочередной задачей, он представлял собой угрозу для своего малолетнего племянника и его матери. После 2 мая противостояние приняло открытый характер.

Был ли у Андрея Ивановича какой-нибудь план действий? Источники по-разному отвечают на этот вопрос. Если Воскресенская летопись признает, что в начале «мятежа» определенного плана не было⁷¹, то Летописец начала царства пишет о том, что еще до бегства «лихие люди» говорили князю Андрею, что новгородцы будут ему рады. И 2 мая Старицкий бежал именно в Великий Новгород⁷². Подобная ситуация с источниками привела к тому, что между исследователями нет единства: одни считают, что князь Андрей в момент бегства еще не определился со своими планами⁷³, другие предполагают, что план захватить Новгород уже был⁷⁴. Попытаемся разобраться в этом вопросе. Перед удельным князем в действительности было всего две возможности: бежать в Литву или попытаться укрепиться внутри страны и привлечь на свою сторону значительные военные силы. Если вариант бегства за рубеж рассматривался, то следовало из Старицы двигаться не на северо-восток (к Торжку), а на запад или юго-запад — к границе.

⁶⁷ ПСРЛ. Т. 8. С. 293.

⁶⁸ ПСРЛ. Т. 22. С. 524.

⁶⁹ Юрганов А. Л. Старицкий мятеж. С. 105.

⁷⁰ Кром М. М. «Вдовствующее царство»... С. 198.

⁷¹ ПСРЛ. Т. 8. С. 293–294.

⁷² ПСРЛ. Т. 29. С. 29.

⁷³ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 245. Примеч. 2; Юрганов А. Л. Старицкий мятеж. С. 107; Кром М. М. «Вдовствующее царство»... С. 199.

⁷⁴ Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 58.

Само направление первоначального движения — к Торжку — показывает, что бегство в Литву князем Андреем не планировалось с самого начала.

Кроме того, у Старицкого с момента получения известия о задержании своего посла в Москву Пронского⁷⁵ до 2 мая было время, чтобы определиться со своими ближайшими действиями. Поэтому мы не можем согласиться с теми учеными, которые предполагают, что у беглеца с самого начала событий не было никакого плана. Думаю, что Торжок, находившийся на дороге в Новгород, неслучайно стал первым пунктом в движении удельного князя. Вероятно, с самого начала путь «мятежника» лежал к Великому Новгороду. Скорее всего, он рассчитывал привлечь на свою сторону многочисленных новгородских дворян-помещиков, как предполагал А. Л. Юрганов⁷⁶. Воскресенская летопись опирается на показания перебежчика — князя Ростовского, который действительно мог быть не осведомлен о планах своего патрона. Со стороны князя Андрея Старицкого было бы довольно странным объявлять о своих планах всем дворянам, особенно учитывая то, что он не мог не знать о наличии правительственных осведомителей в своем окружении. Вероятно, о замыслах удельного правителя знали лишь его ближайшие сподвижники.

За первый день отряд Старицкого, численность которого едва ли возможно будет даже примерно определить⁷⁷, прошел, как указывает Воскресенская летопись, шестьдесят верст и остановился в «Берновых селах» Новоторжского уезда⁷⁸. Расстояние, которое преодолел отряд князя Андрея, отмечено в официальной летописи, как представляется, далеко неслучайно. Дело в том, что подобный переход был для военного отряда очень значительным. Итак, к вечеру 2 мая удельные силы оказались вблизи Торжка⁷⁹. Здесь был первый стан. Ночью, «утоясь ... от детей боярских», бежал в Москву находившийся в карауле князь Василий Федорович Голубой Ростовский. Беглец, как пишет летопись, сообщил «великому князю что князь Андрей еще того не приговорил на которое ему место бежати»⁸⁰.

Посмотрим, когда Ростовский мог доставить последние сведения о намерениях князя Андрея в Москву. Расстояние между Торжком и Москвой по прямой 217 км, по дорогам — 234 км. Учитывая этот факт и то, что В. Ф. Голубой Ростовский бежал в ночь на 3 мая, можно считать, что беглец добрался до столицы в лучшем случае 4 вечером, а то и 5 мая. Вполне возможно, что к этому времени в Москве уже знали о том, что Старицкий покинул свою столицу от своих соглядатаев.

⁷⁵ Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. С. 222.

⁷⁶ Юрганов А. Л. Старицкий мятеж. С. 107.

⁷⁷ Даже учитывая то, что большая часть удельных военных сил была по требованию правительства отправлена в Коломну в начале апреля, едва ли численность отряда князя Андрея была незначительна. Тем более что он имел время для сбора людей. Думаю, речь может идти о сотнях детей боярских и боевых холопов. В Москве также допускали наличие у Старицкого значительных сил: «будет князь Андрей людьми силен добре» (см.: ПСРЛ. Т. 8. С. 294).

⁷⁸ ПСРЛ. Т. 8. С. 293; Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. С. 222.

⁷⁹ Расстояние от Старицы до Торжка по прямой составляет как раз 60 километров, а по современным дорогам — чуть больше 71 км.

⁸⁰ Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. С. 222; ПСРЛ. Т. 8. С. 294.

Однако, учитывая расстояние между Старицей и Москвой, едва ли точные известия о побеге удельного князя получили при дворе раньше 3–4 мая. Несмотря на то, что перебежчик не привез определенных данных о дальнейших намерениях князя Андрея, тем не менее, правительство не могло не учитывать опасности для Новгорода, тем более что Старицкий находился уже в Торжке. Очевидно, вскоре же эти опасения подтвердились — удельные силы двигались к Новгороду.

Вероятно, сразу же после того, как стало известно о том, что Андрей Иванович покинул удел, к правительственным воеводам, находившимся на Волоке, были отправлены новые инструкции. Официальная Воскресенская летопись следующим образом передает содержание новых указаний правительства. Князю Никите Васильевичу Оболенскому следовало обойти силы Старицкого и спешить к Новгороду, укрепить город, привести население к новой присяге, а затем «укрепяся с людьми да и с наместники, да против князя Ондreja стояти ... и посаду ему не дати жечь». Предусматривалась возможность того, что сил у удельного князя окажется много. В таком случае Оболенскому надлежало «быти в городе и дела великого князя беречь с владыкою и с наместники заодин»⁸¹. В более позднем Летописце начала царства инструкции Н. В. Оболенскому изложены несколько иначе: здесь его миссия заключалась скорее в контроле над местными властями — «и владыка бы и наместники новгородские они бы того не учинили, что князю Новгород здати»⁸². Исследователи, впрочем, отмечали, что в источниках нет свидетельств о деятельности Н. В. Оболенского в Великом Новгороде⁸³. Содержащая подробный рассказ о событиях официальная Воскресенская летопись указывает, что инструкции на Волок были отправлены после того, как в руки великой княгини попали грамоты Старицкого к новгородским помещикам с призывом переходить на его сторону⁸⁴. Но, по моему мнению, здесь нарушена последовательность событий, как это уже бывало в рассказе этой летописи о событиях, предшествующих уходу удельного князя из Старицы. В самом деле, если бежавший в Москву князь Голубой Ростовский еще 4 мая не привез точных известий о дальнейших планах Андрея Ивановича, а о намерении захватить Великий Новгород Елене Глинской стало известно позже, когда в столицу доставили грамоты удельного князя с призывом к новгородским помещикам переходить на его сторону и с сообщением о том, что «иные дети боярские к нему и приехали служить», то придется считать, что инструкции Н. В. Оболенскому были отправлены не раньше 5–6 мая. Получил он их на Волоке (учитывая расстояние между городами более 100 км) 6–7 мая. Выехать в Новгород он тогда мог не ранее 7–8 мая. Расстояние между Волоком и Новгородом по прямой 395 км, а по современным дорогам — 468 км. Этот путь Оболенский мог преодолеть в лучшем случае за четыре–пять дней. То есть, в Новгороде правительственный воевода мог оказаться не раньше 11–12 мая.

⁸¹ ПСРЛ. Т. 8. С. 294.

⁸² ПСРЛ. Т. 29. С. 29.

⁸³ Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 65; Кром М. М. «Вдовствующее царство»... С. 202.

⁸⁴ ПСРЛ. Т. 8. С. 294.

Однако к этому времени в городе уже были приняты исчерпывающие меры по отражению угрозы со стороны сил князя Андрея. Как пишет одна из новгородских летописей: «мая в 6 день бысть сметение в Великом Новгороде от князя Ондрея Ивановича ... Бегали новгородци в осаду...»⁸⁵ Получается, что в Новгороде узнали о направлении движения удельных сил намного раньше, чем мог добраться в город Н. В. Оболенский. Расстояние от Торжка до Новгорода по прямой 274 км, а по современным дорогам — 300 км. Гонец вполне мог преодолеть этот путь за три дня. Таким образом, указанная в летописи дата является вполне реалистичной. Но в городе было не только «смятение». Местные власти приняли быстрые меры для возведения оборонительных сооружений — за три или пять дней была поставлена стена вокруг Торговой стороны, а навстречу удельному князю отправлен отряд дводецкого Ивана Никитича Бутурлина «со многими людьми и с пушками». Впрочем, при строительстве стены упоминаются некие великокняжеские инструкции — «по великого князя слову»⁸⁶. Но эти инструкции, вполне вероятно, были доставлены гонцом из Москвы, а не привезены князем Оболенским, который просто не мог успеть оказаться в Новгороде к 6–7 мая.

Возвращаясь к рассказу Воскресенской летописи, отмечу, что скорее всего инструкции воеводам на Волок были посланы еще до того, как в Москву были доставлены грамоты князя Андрея. Приказы были отправлены, как только в столице стало известно, что удельный князь из Старицы направился не к границе, а к Торжку. Это могло произойти 3 или 4 мая. Получили их 4 или 5. Н. В. Оболенский выехал в Новгород не раньше 5 мая. В таком случае, учитывая расстояние, в городе он оказался 9 или 10 мая, но и в этом случае уже ничего не мог добавить к тем мерам, которые были приняты местными властями. Поэтому в Новгородских летописях ничего и не сообщается о деятельности этого правительственного эмиссара в волховской столице.

Обратимся теперь к инструкциям, направленным И. Ф. Овчине Телепневу. По сообщению летописи, временщику было предписано собирать людей и «за князем (Андреем. — *В. III.*) идти». В это время на службу шли новгородские дети боярские, им приказали вместо Москвы идти с Овчиной. Кроме того, вызвали помещиков из новгородских пятин. Они должны были «спешити за князем Иваном за Овчиною»⁸⁷. Князь И. Ф. Овчина Телепнев получил инструкции одновременно с Н. В. Оболенским, 4 или 5 мая. Вероятно, 5 или 6 числа он отправился в погоню за удельным князем, причем его отряд постоянно пополнялся. И. И. Смирнов предполагает, что численность правительственных войск увеличивалась не только за счет новгородских помещиков, которых упоминает Воскресенская летопись, но и за счет других сил. Подобный вывод исследователь сделал на основании списка московских воевод, которые упоминаются в Повести о поимании Андрея Старицкого⁸⁸.

⁸⁵ ПСРЛ. Т. 30. М., 2009. С. 204.

⁸⁶ ПСРЛ. Т. 30. С. 182, 204; Т. 43. М., 2004. С. 240.

⁸⁷ ПСРЛ. Т. 8. С. 294.

⁸⁸ Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 63–64.

Что же касается войск Андрея Старицкого, то, как мы помним, к вечеру 2 мая он находился вблизи Торжка, в «Берновых селах». Дальнейший путь его лежал к Великому Новгороду по дороге, которая связывает этот город с Москвой. Известно, что третий стан удельного князя был на реке Цна, «проехав Волочок Вышний»⁸⁹. Можно определить скорость, с какой двигался князь Андрей. Между Торжком и Вышним Волочком по прямой 65 км, по современным дорогам — 69 км. Получается, что за два дня было пройдено около 70 км. Следовательно, скорость составляла примерно 35 км в день. Становится понятным, почему летопись специально упомянула, что за первый день Старицкий «отъехал верст з шестьдесят»⁹⁰. В самом деле, такой большой переход был явлением исключительным, особенно учитывая, что с удельным князем была его жена и маленький сын Владимир⁹¹. Последующие переходы, как можно видеть, были не столь форсированными. Поддерживать такой темп, как в первый день, было невозможно. Стан на реке Цне был с 4 на 5 мая. Отсюда, по сообщению Повести о поимании Андрея Старицкого, бежали несколько дворян: «два Валуевых, Василей да Ондрей Мешковы братья Валуева, да Проня Бекетов сын Дедевшина, да Вешняк Дурной Ефимов сын Харламова». Одного из беглецов — Андрея Валуева — стража удельного князя схватила. Старицкий приказал провести расследование своему ближнему дворянину Каше Васильеву сыну Агаркову. Валуева, связав, бросили в озеро, не давая ему, однако, захлебнуться. Агарков хотел получить сведения и о других потенциальных беглецах. После пытки Валуев «сказаша на многих». Узнавший о результатах допроса удельный князь приказал прекратить дело, так как «не всех тех переветати», то есть всех заподозренных не схватить. Автор Повести вставил в свой рассказ специальную филиппику против изменников, которым «жоны и животы их сильные» не дают понять «где то хто взял и у кого выслужили»⁹². Исследователи справедливо полагают, что удельный князь прекратил расследование, опасаясь внести разброд в ряды старицких людей и оттолкнуть от себя тех, кто еще сохранял ему верность⁹³.

В какой-то степени выявившаяся «шаткость» удельных детей боярских компенсировалась переходом на сторону Старицкого некоторой части новгородских помещиков. Об этом имеем несколько свидетельств⁹⁴. И. И. Смирнов полагал, что подняв мятеж против правительства, Андрей Иванович «сделался центром притяжения для тех элементов, которые были недовольны или враждебны политике укрепления централизованного государства, проводившейся правительством Елены Глинской»⁹⁵. Несколько иначе расставил акценты И. Я. Фроянов, полагающий,

⁸⁹ Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. С. 222.

⁹⁰ ПСРЛ. Т. 8. С. 293.

⁹¹ Там же.

⁹² Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. С. 222–223.

⁹³ Юрганов А. Л. Старицкий мятеж. С. 108; Кром М. М. «Вдовствующее царство»... С. 204.

⁹⁴ ПСРЛ. Т. 8. С. 294; Т. 29. С. 30; Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. 616; Сборник РИО. СПб., 1887. Т. 59. С. 137–138; Первое послание Ивана Грозного Андрею Курбскому // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. Л., 1979. С. 27.

⁹⁵ Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 66.

что «группа князей и бояр», враждебная русскому самодержавию, провоцировала выступления удельных князей⁹⁶. Но остановимся пока на новгородских помещиках. Очевидно, что удельный князь призвал их под свои знамена.

Воскресенская летопись передает это следующим образом: «да и грамоты писал к великого князя к детям боярским помещиком да и по погостам посылал, а писал в грамотах: “князь велики мал, а держат государство бояре, и вам у кого служить? И вы едете к мне служить, а яз вас рад жаловати”; и иные дети боярские к нему и приехали служить». Некоторые такие призывные грамоты были доставлены в Москву, причем с княжескими печатями⁹⁷. Об этих грамотах упоминает и Посольская книга: князь Андрей «в Новгород и во всю Ноугородскую землю от себя посылал с грамотами, чтоб ноугородцы ему служили, и взяли его к себе в Новгород; и дети боярские те его грамоты привезли ко государю ... а в Новгород его не похотели»⁹⁸. Очевидно, что призывами переходить на его сторону удельный князь стремился заручиться поддержкой значительной части служилых людей. Однако эти обращения имели лишь частичный успех. Вполне возможно, что результат был бы более значительным, но, как сообщает официальная летопись, в это время значительная часть новгородских служилых людей отправлялась в Москву на службу. Именно им были отправлены из столицы указания «спешити» за Овчиной Телепневым и усилить его войска⁹⁹.

Но вернемся к князю Андрею. Как уже писалось, с утра 5 мая он находился на реке Цна около Вышнего Волочка. До Великого Новгорода оставалось по прямой 220 км, а по современным дорогам — 230 км. Учитывая скорость, с которой передвигался отряд (примерно 35 км в день), в Новгород удельные силы могли попасть за 6–7 дней, и это в том случае, если двигаться без дневных остановок, чтобы дать отдых лошадям. В любом случае, раньше 11–12 мая достигнуть цели было невозможно.

Между тем известно, что уже 6 мая в Великом Новгороде были получены известия о «мятеже», и было «смятение». Новгородцы «бегали ... в осаду»¹⁰⁰. Замечу, что 6 мая самому Новгороду еще непосредственно ничего не угрожало, так как силы князя Старицкого могли находиться за 200 км от города. Поэтому мнение некоторых исследователей о том, что 6 мая войска Андрея Ивановича были в 60 верстах от Новгорода, является явным недоразумением¹⁰¹. Источники отмечают, что из города, по инициативе местных властей, навстречу удельному князю был отправлен отряд дворецкого Ивана Никитича Бутурлина «со многими людьми и с пушками». Этот отряд стоял на Броннице¹⁰², примерно в 30 верстах от Новгорода¹⁰³. Когда же

⁹⁶ Фроянов И. Я. Драма русской истории. С. 386.

⁹⁷ ПСРЛ. Т. 8. С. 294.

⁹⁸ Сборник РИО. Т. 59. С. 137.

⁹⁹ ПСРЛ. Т. 8. С. 294.

¹⁰⁰ ПСРЛ. Т. 30. С. 204.

¹⁰¹ Юрганов А. Л. Старицкий мятеж. С. 108.

¹⁰² ПСРЛ. Т. 43. С. 240; Т. 30. С. 182.

¹⁰³ Орасстоянии от Великого Новгорода до Бронниц см.: Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 65. Примеч. 47; Кром М. М. «Вдовствующее царство»... С. 203.

отряд И. Н. Бутурлина мог оказаться в Броннице? Если известия о «мятеже» были получены 6 мая, то необходимо было как минимум несколько дней на сборы военного отряда, подготовку и проверку артиллерии. Представляется, что выйти могли не раньше 8–9 мая, а на Броннице оказаться 9–10 мая. В любом случае, И. Н. Бутурлин перекрыл дорогу к Новгороду до подхода отряда Старицкого, который «слышав ... в Великом Новгороде суету и шкоту велику ... поиде ближе ко граду»¹⁰⁴.

Обратимся теперь к одному эпизоду, который зафиксирован в Повести о поимании Андрея Старицкого. В источнике рассказывается о том, что «в то же время» (т. е. когда с третьего стана бежали несколько детей боярских — в ночь с 4 на 5 мая — и было проведено расследование) находящийся в Коломне с удельными войсками князь Юрий Андреевич Оболенский узнал о бегстве своего господина из Старицы. Оболенский решил «доехать своего государя» и тайно «поехаша с Коломны»¹⁰⁵. Поступок Ю. А. Оболенского представляет собой образец преданности и мужества, что отметил, например, А. Л. Юрганов¹⁰⁶. Когда же в Коломне узнали о событиях в Старице, произошедших 2 мая? Учитывая расстояние между Старицей и Коломной (по прямой 289 км, по современным дорогам — 333 км), можно предположить, что Ю. А. Оболенский получил известие о бегстве Андрея Ивановича не раньше, чем на третий день — то есть 4 или 5 мая. Интересно, что наш расчет совпадает с показаниями Повести по числам. Всю ночь воевода молился перед иконой Христа и «утояся у воевод великого князя и детей боярских, поехаша с Коломны своего князя доежжати»¹⁰⁷.

И. И. Смирнов считал, что Ю. А. Оболенский бежал из Коломны один и скрывал свои намерения не только от великокняжеских воевод, но и от старицких детей боярских, во главе которых он был в апреле 1537 г. отправлен на государеву службу на Берг. Свое мнение исследователь обосновывает тем, что рассказ Повести записан в единственном числе, и спутники Оболенского не упоминаются. Из этого следует вывод о том, что удельные дети боярские заняли позицию «активно враждебную по отношению к мятежу Андрея Старицкого»¹⁰⁸. Однако в последнее время М. М. Кром оспорил предположения И. И. Смирнова, опираясь в своих построениях на текст Повести, в котором упоминаются распоряжения князя Оболенского¹⁰⁹. Точка зрения Смирнова основана на его представлениях о том, что удельные дети боярские стремились разорвать вассальные отношения, связывающие их со старицким князем, и желали превратиться в государевых служилых людей — помещиков. Они использовали «мятеж» для борьбы за «освобождение от уз вассальной зависимости по отношению к своему сеньору ... и включение своих земельных владений ... в состав общерусской территории под юрисдикцию московского великого князя». Свои взгляды ученый аргументирует известными

¹⁰⁴ ПСРЛ. Т. 43. С. 240–241.

¹⁰⁵ Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. С. 223.

¹⁰⁶ Юрганов А. Л. Старицкий мятеж. С. 108.

¹⁰⁷ Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. С. 223.

¹⁰⁸ Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 67–68.

¹⁰⁹ Кром М. М. «Вдовствующее царство»... С. 205.

случаями измены детей боярских¹¹⁰. По моему мнению, более прав в этом вопросе М. М. Кром, который отмечает, что на основании перечисления в Повести имен беглецов нет оснований говорить о массовой измене старицких детей боярских. Наоборот, силы Андрея сохраняли боевой дух, и многие дворяне были преданы своему князю в течении всех событий, связанных с «мятежом»¹¹¹.

Но вернемся к бегству князя Ю. А. Оболенского из Коломны. От каких великокняжеских воевод он должен был «утаиться»? В Разрядных книгах сохранилась роспись воевод в Коломне. Правда, отмечено, что это июльская роспись. Причем названы воеводы, которые участвовали в событиях, связанных с «мятежом» Андрея Старицкого: Н. В. Оболенский, Д. И. Курлятев, И. Ф. Овчина Телепнев¹¹². Князь Н. В. Оболенский еще в апреле был отправлен с Овчиной на Волок, затем в Великий Новгород¹¹³, а Д. И. Курлятев упоминается в Повести о поимании Андрея Старицкого как один из воевод Овчины¹¹⁴. Получается, что воеводы, отмеченные в июльском разряде 1537 г., не могли находиться в Коломне одновременно с князем Ю. А. Оболенским. Однако имеется еще одна запись, которая гласит: «Тово же году были воеводы на Коломне: В большом полку князь Дмитрей Федорович Бельской да князь Иван Данилович Хамяк Пенков с товарищи». Там же упоминаются Константин Курлятев и Василий Шереметев¹¹⁵. Все эти лица, кроме Д. Ф. Бельского, фигурируют и в большом июльском разряде. И. Д. Хомяк Пенков в качестве первого воеводы полка правой руки, К. И. Курлятев — второй воевода передового полка, В. А. Шереметев — третий воевода большого полка¹¹⁶. Можно вполне обоснованно предположить, что до июля 1537 г. в Коломне находились великокняжеские воеводы Д. Ф. Бельский, И. Д. Хомяк Пенков, К. И. Курлятев, В. А. Шереметев. Затем в июле Бельский был освобожден от этой службы, а остальные вошли в новый разряд.

Получается, что именно от Бельского с товарищами должен был «таиться» Ю. А. Оболенский, решившийся бежать с Коломны к своему князю. Что же касается «детей боярских», от которых также, по сообщению Повести, должен был «таиться» удельный воевода, то считаю, что это были именно великокняжеские, а не удельные дети боярские. И. И. Смирнов, придерживавшийся противоположного мнения, исходил в своих построениях из того, что старицкие дети боярские стремились перейти в великокняжескую юрисдикцию¹¹⁷. Однако для таких обобщений нет достаточных оснований, как это и показал М. М. Кром¹¹⁸. В самом деле, текст Повести не дает оснований для поддержки мнения И. И. Смирнова. Конечно,

¹¹⁰ Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 69.

¹¹¹ Кром М. М. «Вдовствующее царство»... С. 205–206.

¹¹² Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966. С. 91; Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. С. 266.

¹¹³ ПСРЛ. Т. 8. С. 293.

¹¹⁴ Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. С. 223.

¹¹⁵ Разрядная книга 1475–1605 гг. Т. 1. Ч. 2. С. 268.

¹¹⁶ Разрядная книга 1475–1598 гг. С. 91.

¹¹⁷ Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 68.

¹¹⁸ Кром М. М. «Вдовствующее царство»... С. 205–206.

Ю. А. Оболенский в силу специфики ситуации не мог афишировать свое намерение присоединиться к Старицкому. Он должен был соблюдать осторожность и посвятить в свои замыслы только людей, в надежности которых был вполне уверен. Думаю, такие удельные дети боярские были. Каково их количество — неизвестно. Но в любом случае, нельзя согласиться с утверждением И. И. Смирнова, что Ю. А. Оболенский бежал из Коломны один¹¹⁹. Кроме того, у него должны были быть послужилцы, которые должны были следовать за своим господином.

Попробуем определить число, когда удельный воевода бежал. Мы знаем, что известия о событиях он получил 4 или 5 мая. Самое удобное время для побега было, скорее всего, ночью перед рассветом. Получается, что побег произошел в ночь с 4 на 5 или с 5 на 6 мая. Интересно отметить, что Оболенский, вероятно, знал, где на бескрайних просторах России искать своего князя. Из этого следует, что или полученные им известия определенно указывали, в каком направлении двигался Старицкий, или что воевода был заранее осведомлен о предполагаемом плане действий удельных сил.

Ю. А. Оболенский со своим отрядом должен был двигаться в обход Москвы, чтобы не попасть в руки правительственных сил. Великокняжеские воеводы, узнав о побеге, должны были принять меры к задержанию беглецов и поставить в известность власти в Москве. Поэтому Оболенскому пришлось делать большой крюк. По сообщению Повести, он «Волгу лез под Дегуниным и перевезшись повелеша суды перевозные просечь»¹²⁰. Понятно, что он опасался погони. Что касается Дегунино (или Дягунино, как этот пункт обозначен на современных картах), то оно находится выше Старицы по Волге примерно в 20 км по прямой. Интересно, что здесь до сих пор находится паромная переправа¹²¹. От Коломны до Дегунино по прямой 281 км, а по современным дорогам — 345 км. Когда же Ю. А. Оболенский со спутниками переправился через Волгу? Учитывая возможную погоню, то, что у беглецов не было обоза, и их желание как можно скорее соединиться с удельным князем, можно признать, что они двигались с максимально возможной скоростью. Мы знаем, что Старицкий за первый день прошел 60 верст, но он был обременен семьей и, скорее всего, обозом. Кроме того, с ним были несколько сотен человек. У Оболенского не было всех этих замедляющих обстоятельств. Думаю, он мог преодолевать по 90–100 км в день. Возможно, и больше. Это вполне допустимо. Так, для конницы Красной Армии в исключительных случаях допускались переходы до 100 км¹²². Но у красной конницы не было запасных лошадей, а у служилых людей того времени они должны были быть. Таким образом, достигнуть Дегунино беглецы должны были, скорее всего, на четвертый день пути — 8 или 9 мая.

От Дегунино путь Ю. А. Оболенского и его спутников лежал на новгородскую дорогу. Встреча с силами Андрея Старицкого произошла «на речке Березае, мало

¹¹⁹ Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 67.

¹²⁰ Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. С. 223.

¹²¹ Атлас автомобильных дорог. Россия. СНГ. Европа. М., 2011. С. 37.

¹²² Федоренко Л. Тактика конницы. С. 6–7.

не доехав Едрог-яму»¹²³. В настоящее время существует речка Березайка, а на новгородской дороге находится поселок Новый Березай. По направлению к Великому Новгороду в двенадцати километрах от Нового Березая находится поселок Едрово, здесь же есть озеро Едрово и протекает река Едерка. Очевидно, что это и есть «Едрог-ям». Расстояние от Дегунино до Нового Березая по прямой 183 км, а по современным дорогам — 220 км. На преодоление этого расстояния требовалось, вероятно, двое суток. Получается, что встреча Ю. А. Оболенского и Старицкого произошла 10–11 мая, причем удельный князь «рад бысть ему вельми и обещася его жаловать и одариша его дарми многими и учиниша ему честь велию пред всеми»¹²⁴.

Интересно отметить, что от Вышнего Волочка до Березая 55 км. Зная, что 5 мая утром силы Старицкого находились в Вышнем Волочке, а встреча с Ю. А. Оболенским произошла, по моим расчетам, 10–11 мая на Березае, можно сделать вывод о том, что удельный князь не очень-то спешил к Великому Новгороду. В самом деле, 55 км вполне можно было пройти за два дня не очень спеша. Это мы можем утверждать, зная скорость передвижения от Торжка до Вышнего Волочка. А Старицкому потребовалось пять–шесть дней. Вывод из этого можно сделать один: три или четыре дня в промежуток времени с 5 по 10 мая князь Андрей находился на привале. Чем же это могло быть вызвано? Во-первых, необходимо было дать отдых коням и людям, прошедшим за три первых дня «мятежа» не меньше 130 км. Во-вторых, вероятно, в грамотах, которые отправлял удельный князь новгородским помещикам, были указаны пункты, где они должны были присоединиться к Андрею Ивановичу. Приходилось ждать подхода новгородцев. В-третьих, одной из причин остановки вполне могло быть расследование, которое проводили после побега группы удельных дворян из Вышнего Волочка, о котором упоминает Повесть о поимании Андрея Старицкого¹²⁵.

От Нового Березая до Великого Новгорода по прямой 164 км, а по дороге — 174 км. Дальнейший маршрут удельного князя вполне очевиден: по дороге к Новгороду. Это расстояние военному отряду можно было пройти за четыре–пять дней. Из одной летописи известно, что князь Андрей «стоял» в Яжелбицах¹²⁶. От Березая до Яжелбиц по современной дороге 54 км. Если удельные силы выступили сразу после встречи с Ю. А. Оболенским 10 или 11 мая, то преодолеть это расстояние должны были максимум за два дня и оказаться в Яжелбицах, в 112 км от Новгорода, не позже чем 12–13 мая. Судя по летописному сообщению, здесь Старицкий в очередной раз остановился. Возможно, это было связано со стремлением дожидаться перешедших на его сторону новгородских помещиков. То, что удельные силы на какое-то время остановились, подтверждается, как представляется, свидетельством еще одной летописи: князь Андрей «не воева волостей, ни плени, но корм емля себе со многими людьми и конскою, и тем много шкоты и

¹²³ Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. С. 223.

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Там же. С. 222–223.

¹²⁶ ПСРЛ. Т. 30. С. 182.

убытка сотвори». Вероятно, находясь в Яжелбицах, удельный князь отправил в окрестности фуражиров. После этого следует рассказ об отправке из Новгорода отряда И. Н. Бутурлина, и затем следует возвращение к удельному князю — «а он (Андрей Старицкий. — В. III.) еще ближе поиде к Великому Новгороду ... слыша таковое волнение, а паче поиде ближе ко граду»¹²⁷. Из смысла этого рассказа следует, что князь Андрей останавливался. Напомню, что к тому моменту, когда в Яжелбицах появился Старицкий (12–13 мая), в Бронницах уже с 9–10 мая находились войска Бутурлина. От Яжелбиц до Бронницы примерно 80 км. По сообщению Новгородской летописи по списку Дубровского, именно в Яжелбицах удельный князь узнал о высланном из Великого Новгорода заслоне. Из рассказа источника следует, что, несмотря на заслон, «мятежники» двинулись ближе к городу¹²⁸. Сколько времени Старицкий провел в Яжелбицах — остается неизвестным. Можно только предположить, что не более одного–двух дней. Этот вывод подтверждается сведениями летописи о том, что к этому моменту стало известно о приближении великокняжеских воевод¹²⁹. Такая ситуация не располагала к длительной остановке.

Известно, что удельные силы продолжали двигаться по новгородской дороге, но от «Заечкого яму» повернули налево к Старой Руссе¹³⁰. В настоящее время существует деревня Зайцево и около нее дорога, идущая к Руссе. Думаю, можно уверенно отождествить «Заечский ям» и современное Зайцево. Расстояние между Яжелбицами и Зайцево по прямой 64 км, по современным дорогам немного больше — 66 км. Если Андрей Старицкий вышел из Яжелбиц 14–15 мая, то до Зайцево должен был добраться за два дня и оказаться там 16–17 мая, двигаясь со скоростью 32–33 км в день. Подобная скорость передвижения была вполне возможна, как можно было убедиться раньше. До Великого Новгорода оставалось 50 км, всего два перехода, но в Броннице (в 23 км от Зайцево) по-прежнему находился отряд Бутурлина с пушками. Очевидно, удельному князю было известно, что следом за ним двигались правительственные силы под командованием И. Ф. Овчины Телепнева.

Почему же князь Андрей не пошел к Новгороду, а повернул налево к Старой Руссе? Исследователи по-разному отвечали на этот вопрос. И. И. Смирнов и А. А. Зимин считали, что обнаружив заслон Бутурлина и зная о рати Овчины, удельный князь решил уйти «за рубеж»¹³¹. М. М. Кром по этому поводу пишет следующее: «Можно выдвигать различные гипотезы относительно того, почему князь Андрей в последний момент отказался от идеи взятия Новгорода. Была ли тому причиной свойственная старицкому князю нерешительность, неуверенность в своих силах, или существовали еще какие-то мотивы, за неимением данных,

¹²⁷ ПСРЛ. Т. 43. С. 240–241.

¹²⁸ Там же.

¹²⁹ Там же. С. 240.

¹³⁰ ПСРЛ. Т. 8. С. 294.

¹³¹ Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 70; Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 246.

сказать сложно». Далее историк указывает, что Андрей Иванович не вел собственнo военных действий, опасаясь, видимо, перейти последнюю черту, за которой начиналась уже «междоусобная брань»¹³².

Думаю, что дело было в другом. Продолжая движение к Великому Новгороду, удельные силы неизбежно бы столкнулись с отрядом И. Н. Бутурлина. Не могло быть уверенности в том, что его удастся быстро разгромить. И даже в случае успеха было очевидно, что Новгород не откроет ворота перед Старицким. Для осады такого большого города сил у удельного князя едва ли хватило. Кроме того, нельзя сбрасывать со счетов то, что сзади двигались правительственные войска под командованием Овчины Телепнева. В любом случае, при продолжении движения к Новгороду князь Андрей оказывался между двумя огнями. И дело не в нерешительности, якобы свойственной удельному князю, а в оценке реальной ситуации. Стремление уйти «за рубеж» также не кажется мне причиной поворота к Старой Руссе. До границы были сотни километров. Мало того, если бы Старицкий стремился бежать за границу, то он должен был постоянно двигаться. В действительности же он остановился, отойдя от Зайцево около 6 км, в Тухолях. Деревня с таким названием существует и до сих пор. О том, что удельный князь именно «стоял» в Тухолях, свидетельствуют летописные источники. Так, Новгородская летопись по списку Дубровского пишет следующее: «И егда доиде Тухолской волости, толко пятьдесят поприщ от Новагорода, и ту начаша стояти»¹³³. О том же свидетельствует и Новгородская вторая летопись, и Летописец начала царства — «и не дошед князь Андрей Великого Новагорода, да своротил влево к Русе, да стал в Тухале, от Заечского Яму за пять верст»¹³⁴. Повесть о поимании Андрея Старицкого указывает, что князь «бысть (т. е. находился. — В. Ш.) ... в Тухолех»¹³⁵. Как можно видеть, источники указывают, что удельный князь именно остановился в Тухолях. Сам факт этого «стояния», как представляется, опровергает мнение И. И. Смирнова и А. А. Зимина о стремлении Старицкого бежать за границу.

Поворот был вызван стремлением избежать возможного окружения войсками Бутурлина и Овчины. Свернув и остановившись в нескольких километрах от новгородской дороги, удельный князь оказывался только против сил Овчины Телепнева. В случае успеха в столкновении с правительственными войсками, Старицкий легко опять выходил на дорогу к Новгороду и мог двигаться, уже не опасаясь удара с тыла. Кроме того, можно было выбрать удобное место для битвы. В Тухолях удельный князь оказался примерно 16–17 мая. Именно здесь, в 50 км от Великого Новгорода, под «Лютювой горой»¹³⁶ развернулись дальнейшие события.

¹³² Кром М. М. «Вдовствующее царство»... С. 209–210.

¹³³ ПСРЛ. Т. 43. С. 241.

¹³⁴ ПСРЛ. Т. 30. С. 148; Т. 29. С. 29.

¹³⁵ Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. С. 223.

¹³⁶ ПСРЛ. Т. 26. М., 2006. С. 318. — Очевидно, что эта «Лютюва гора» находилась недалеко от места событий. В настоящее время в нескольких километрах от деревни Зайцево есть деревня Липова гора.

Как известно, в погоню за князем Андреем был отправлен И. Ф. Овчина Телепнев Оболенский, находившийся в первых числах мая на Волоке. По моим расчетам, он вышел за Старицким 5–6 мая. Расстояние от Волока до Зайцево по прямой 350 км, а по современным дорогам — 413 км. Двигаясь со скоростью 35–40 км в день, Овчина мог преодолеть его дней за десять. Но нельзя забывать, что он должен был «с людьми збиратися»¹³⁷, что замедляло передвижение. Кроме того, людям и лошадям нужен был отдых. Конечно, нельзя точно сказать, сколько дней уходило на отдых, но учитывая нормы конницы XX века, по которым через два–три дня марша необходимы дневные остановки¹³⁸, можно с большой степенью вероятности предположить, что на остановки у Овчины Телепнева ушло несколько дней. Следовательно, на весь путь к Зайцево ушло дней двенадцать. Получается, что встреча правительственных сил с отрядом князя Андрея произошла примерно 18 мая.

Численность рати Овчины Телепнева неизвестна. Источники официального происхождения лишь упоминают, что за Старицким великий князь «послал ... воевод своих многих, со многими людьми»¹³⁹. В Новгородской летописи по списку Дубровского поименно названы двое воевод: сам Овчина, князь Василий Федорович и «иные воеводы»¹⁴⁰. В летописи по списку Никольского указано, что князь Василий Федорович — это Лопатин Оболенский¹⁴¹. Подробный перечень находится в Повести о поимании Андрея Старицкого — «князь Иван Федорович Телепнев Оболенского Овчина да князи Роман Иванович Одоевской да князь Дмитрий Иванович Оболенский Шкурлятев, да князь Василей Федорович Оболенский Лопатин, да окольничей Дмитрий Данильевич Слепой, и прочие воеводы»¹⁴². Как можно видеть, поименно упоминаются пять воевод правительственных сил, а в действительности, по всей видимости, их количество было больше. На этом основании можно считать, что правительству удалось сконцентрировать значительные силы для подавления «мятежа» удельного князя.

Ход дальнейших событий, происходивших после встречи противников, по-разному освещается в источниках. В самом раннем по времени источнике официального происхождения — инструкции русскому посланнику в Литву — указывалось, что посланные великим князем воеводы «милостью Божию и правдою государя нашего, князя Андрея пошед потоптали и его княгиню и дети и людеи всех поймав, привели к великому государю нашему»¹⁴³. Понятно, что здесь идет речь о серьезном вооруженном столкновении, закончившемся полным разгромом войск «мятежника». Однако уже вскоре, после смерти Елены Глинской, в 40-е гг.

¹³⁷ ПСРЛ. Т. 8. С. 294.

¹³⁸ Федоренко Л. Тактика конницы. С. 6–7.

¹³⁹ Сборник РИО. Т. 59. С. 137; ПСРЛ. Т. 8. С. 294. — «Многие воеводы» упоминаются и в Новгородской второй летописи (ПСРЛ. Т. 30. С. 182).

¹⁴⁰ ПСРЛ. Т. 43. С. 241.

¹⁴¹ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 616.

¹⁴² Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. С. 223.

¹⁴³ Сборник РИО. Т. 59. С. 137.

XVI в. в официальной Воскресенской летописи о боевых действиях не упоминается: «и князь Ондрей с князем Иваном (Овчиной Телепневым. — *В. III.*) на бой стал, люди свои въоружил и полки пошел на князя Ивана. А князь Иван против князя Андреа ... вьводы устроил и полки уставил, и учреди полки и ... пошел против князя. И увидел князь Андрей великого плки, и не захотел с великим князем бою поставити»¹⁴⁴. То есть, боя не было. В Летописце начала царства также о столкновении не говорится¹⁴⁵.

В источнике, автор которого сочувствует старицкому князю, пишется о том, что стычка была: «Бысть же перед московскими воеводами Чертову Василий Прокофьев сын Розладина Квашник и начаша наступати на княжо Ондреевых на Ивановича сторожов на задних, а в сторожех был от князя от Ондreja на заде Иван Борисович Колычов. Князь же Ондрей Иванович стаха и ополчишася и восхотеша с воеводами с великого князя битися»¹⁴⁶. Какая же версия источников является более достоверной, было ли вооруженное столкновение или нет? Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к новгородским летописям. В Новгородской летописи по списку Дубровского пишется о том, что после того как правительственные воеводы «наехали» князя Андрея, «начаша преже с кручины говорити, и протержька меж людей была не велика»¹⁴⁷. Этому сообщению вторит летопись по списку Никольского: «и тут была стравка людем с обе половины, а падения людем смертнаго не было Божию милостию»¹⁴⁸.

Рассказ Повести о поимании Андрея Старицкого подтверждается независимыми сообщениями новгородских источников. Можно сделать вывод, что вооруженная стычка действительно произошла, но это было не то серьезное столкновение, закончившееся полным разгромом сил удельного князя, о котором сообщает дипломатическая инструкция. До настоящего сражения дело не дошло. Между сторонами начались переговоры, причем инициатором этих переговоров одни источники называют правительственную сторону, а другие — князя Андрея.

По сообщению Воскресенской летописи, Старицкий, только что готовый биться с правительственными войсками, «увидел ... великого князя плки, и не захотел с великим князем бою поставити, и нача с князем Иваном ссылатися, а у князя Ивана учал правды просити что его великому князю не поимати и опалы на него великие не положити». Далее летопись поясняет, что у Овчины не было наказа «правда дати князю Андрею», но он «правду дал да с князем Андреем вместе и на Москву поехал»¹⁴⁹. В Летописце начала царства инициатива переговоров также приписана Старицкому, который «нача ссылатися со князем Иваном, у князя Ивана учал правды просити, чтобы его князь великий не велел поимати и опалы бы своею на него не положил». Овчина, не обославшись с великим князем, «да

¹⁴⁴ ПСРЛ. Т. 8. С. 294.

¹⁴⁵ ПСРЛ. Т. 29. С. 29.

¹⁴⁶ *Тихомиров М. Н.* Малоизвестные летописные памятники XVI в. С. 223.

¹⁴⁷ ПСРЛ. Т. 43. С. 241.

¹⁴⁸ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 616.

¹⁴⁹ ПСРЛ. Т. 8. С. 294.

князю Оondreю правду дал»¹⁵⁰. Как можно видеть, источники официального происхождения инициативу переговоров приписывают удельному князю.

В то же самое время Повесть о поимании Андрея Старицкого утверждает, что начали переговоры правительственные воеводы: «И великого князя воеводы князь Иван Федорович Овчина и прочие воеводы начаша посылати ко князю Оondreю, чтобы против великого князя не стоял и крови христианские не пролил, а государь тебя князь великий Иван Васильевич и мать его великая княгиня Елена пожалуют, отпустят тебя на твою невредимо и твоих бояр, детей боярских»¹⁵¹.

В других летописных источниках прямо не говорится о том, кто стал инициатором переговоров. Так, Новгородская летопись по списку Дубровского сообщает следующее: «начаша о миру обсылатися и говорити, и помянуша, яко единым крещением вси просветишася, дажь бы не была межусобная брань и кровопролитие христианом». Удельный князь и правительственные воеводы «положиша меж себя ... обеты великия и всякия правды, и крест честный меж себя целоваху: поехати князю Оondreю на свой удел и служити ему государю великому князю... верою и правдою, и государь ... жалует его, как ему Бог положит по сердцу»¹⁵². В Новгородской второй летописи упоминается, что великокняжеские воеводы Старицкого «взяли ... на опас, к Москве с ним приехали»¹⁵³. Вологодско-Пермская летопись пишет о том, что у правительственных воевод с самого начала были инструкции — удельного князя «к себе звати, чтоб он шол на Москву, а князь великий его пожалует и вотчины ему придаст». Далее говорится о том, что князь Никита и князь Иван Оболенские крест целовали Оondreю Старицкому на том, что «его ... великому князю Ивану Васильевичю и его матери ... Елене пожаловати и вотчины ему придати, и не двинути его ничем, а князю Оondreю Ивановичю служити государю ... Ивану и его матери ... Елене прямо без хитрости и государьства под государем не хотети»¹⁵⁴. В этом источнике допущена неточность: якобы среди целовавших крест был Н. В. Оболенский, но из других источников известно, что он был в Великом Новгороде. Наконец, в Постниковском летописце указывается, что воеводы великого князя Иван Овчина и «иные» «взяли его (Оondreя Старицкого. — В. Ш.) на душу, что было его пустить на отчину его на Старицу»¹⁵⁵.

Противоречивые показания источников о том, кто был инициатором переговоров, привели к тому, что среди исследователей нет по этому вопросу единого мнения. Так, И. И. Смирнов отдает предпочтение версии Повести о том, что инициатором переговоров выступила правительственная сторона, так как после поднятого Оondreем Старицким мятежа едва ли он мог рассчитывать на то, что правительство не применит к нему репрессий¹⁵⁶. А. А. Зимин считал, что

¹⁵⁰ ПСРЛ. Т. 29. С. 29.

¹⁵¹ Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. С. 223–224.

¹⁵² ПСРЛ. Т. 43. С. 241.

¹⁵³ ПСРЛ. Т. 30. С. 182.

¹⁵⁴ ПСРЛ. Т. 26. С. 318.

¹⁵⁵ ПСРЛ. Т. 34. М., 1978. С. 25.

¹⁵⁶ Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 70–72.

предпочтительней версия Воскресенской летописи, так как силы Овчины были больше, и в случае битвы победа правительственной стороне была обеспечена. Автор же Повести стремился изобразить события в тенденциозном виде¹⁵⁷. А. Л. Юрганов, не высказывая явно своего мнения по данному вопросу, отмечает, что с точки зрения здравого смысла доводы А. А. Зимина логичны: сильнейшая сторона диктует условия. Но, пишет далее исследователь, вооруженного столкновения не произошло, поэтому можно говорить лишь о потенциальной, а не о реальной силе¹⁵⁸. М. М. Кром признает большую достоверность рассказа Повести, так как в ней более обстоятельно и подробно описаны сами переговоры и некоторые моменты (избежание пролития христианской крови и междоусобной брани) совпадают с рассказом Новгородской летописи. Хотя «в реальной обстановке мая 1537 г. обе стороны, по-видимому, стремились избежать кровопролития»¹⁵⁹. М. М. Бенцианов обратил внимание на двойственность возникшей ситуации: «верхушка старицкого двора была заинтересована в поддержании мирных ... отношений с московским правительством. При этом все они ... не могли не поддерживать князя Андрея Старицкого в его начинаниях. Неудивительно, что в итоге ситуация разрешилась миром». Исследователь имеет в виду, с одной стороны, тесные родственные связи старицких бояр с московской знатью, а с другой — их родство с удельным князем¹⁶⁰.

По Воскресенской летописи остается непонятным, почему приготовившийся к битве, устроивший полки Андрей Старицкий вдруг передумал и выступил инициатором переговоров. Думаю, И. И. Смирнов прав в том, что у удельного князя не могло быть иллюзий по поводу своей судьбы в случае сдачи. В самом деле, после ухода из Старицы и призывов к новгородским помещикам переходить на свою сторону, было бы наивно с его стороны рассчитывать на прощение. Аргументы А. А. Зимина о том, что силы Овчины были больше, ему была обеспечена победа, и поэтому он не мог быть инициатором переговоров, не представляются убедительными. В самом деле, мы ведь не знаем численность войск сторон. Вероятно, действительно численность правительственных войск была больше, но насколько? И в истории есть примеры, когда меньшее по численности войско одерживало победу над превосходящим противником. Нельзя забывать и о неизбежных потерях в случае широкомасштабных боевых действий и о возможном резонансе в Литве, с которой только что заключили перемирие. Известия о серьезных столкновениях в России неизбежно вели к ухудшению позиции Москвы на переговорах с Вильно. В таких условиях в интересах правительственной стороны было выгодно не доводить дело до настоящего сражения. Можно, думаю, согласиться и с М. М. Кромом в том, что обе стороны были заинтересованы в избежании кровопролития. Итак, версия Повести о поимании Андрея Старицкого представляется более правдоподобной.

¹⁵⁷ *Зимин А. А.* Реформы Ивана Грозного. С. 247. Примеч. 1.

¹⁵⁸ *Юрганов А. Л.* Старицкий мятеж. С. 109.

¹⁵⁹ *Кром М. М.* «Вдовствующее царство»... С. 212–213.

¹⁶⁰ *Бенцианов М. М.* Двор князя Андрея Старицкого и проблема «Старицкого мятежа» 1537 г. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2012. № 4 (50). С. 64–76.

Если верны наши расчеты, то 18 мая состоялась стычка между авангардом правительственных сил и арьергардом удельного князя. Стороны приготовились к решительному столкновению, но его не произошло. По инициативе И. Ф. Овчины Телепнева начинаются переговоры. Но за один день их закончить не удалось — «не успеха дела в слове положити, понеже бо приспе вечер»¹⁶¹. О дальнейших событиях рассказывает Повесть о поимании Старицкого. По ее сообщению, ночью от князя Андрея бежали князь Константин Федорович Пронский, шут Гаврила Воеводич и погребной ключник Волк Ушаков¹⁶². На основании этого известия И. И. Смирнов писал о том, что «разложение лагеря Андрея Старицкого дошло до крайней степени, захватив ближайшее окружение Андрея». Этот побег, как считает исследователь, изменил ситуацию. До него, накануне вечером, удельный князь не доверял искренности обещаний Овчины, стремился затянуть переговоры, не решался «сложить оружия и тем самым отдать себя во власть великокняжеских воевод». Теперь же о каком-либо «серьезном сражении думать уже было трудно»¹⁶³. О «быстром распаде лагеря князя Андрея Ивановича» писал и А. А. Зимин¹⁶⁴. Этот вывод оспорил М. М. Кром. По его мнению, «серьезные колебания» в старицком лагере в период противостояния с великокняжеским правительством не удивительны. Однако никто из воевод и бояр князя Андрея «не поддался искушению с выгодой для себя перейти на сторону сильнейшего; все они до конца оставались со своим князем и разделили его участь». Думаю, можно согласиться с ученым в том, что старицкие полки сохраняли управляемость и дисциплину, и о развале лагеря князя Андрея речь идти не может¹⁶⁵. О том, что сторонники удельного князя сохраняли боеспособность, свидетельствует рассмотренное выше столкновение с правительственными войсками. Если же «разложение» удельного лагеря «дошло до крайней степени», то становится непонятным, зачем Овчине Телепневу вообще было вести переговоры с князем Андреем, что-то ему обещать, почему было просто не схватить его?

19 мая переговоры завершились. Как пишет Повесть о поимании Андрея Старицкого, великокняжеские воеводы дали «правду князю Ондрею Ивановичу и крест целовали на том, что великому князю Ивану Васильевичу и матери его... Елене князя Ондreja Ивановича отпустить на его вотчину и сь его бояры и з детьми з боярскими со всем невредимо»¹⁶⁶. В официальной Воскресенской летописи ситуация описывается несколько иначе: Овчине не было «наказано что ему правду дати князю Ондрею», он не стал ссылаться с Москвой по этому вопросу, «да князю Ондрею правду дал»¹⁶⁷. Получается, что И. Ф. Овчина Телепнев в данном вопросе

¹⁶¹ Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. С. 223–224.

¹⁶² Там же.

¹⁶³ Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 71.

¹⁶⁴ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 246.

¹⁶⁵ Кром М. М. «Вдовствующее царство»... С. 204–205.

¹⁶⁶ Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. С. 224.

¹⁶⁷ ПСРЛ. Т. 8. С. 294. — Такое же сообщение содержится в Летописце начала царства (см.: ПСРЛ. Т. 29. С. 29).

превысил свои полномочия, за что впоследствии, по приезде в столицу, на него была наложена «словесная опала великая»¹⁶⁸. Обратим также внимание на то, что в официальной летописи пишется только о даче «правды», а о целовании креста не упоминается.

В Новгородской летописи по списку Дубровского речь идет о взаимных «обетах великих», «правде» и о том, что Старицкий и правительственные воеводы «крест чесный меж себя целоваху»¹⁶⁹. Вологодско-Пермская летопись также упоминает целование креста¹⁷⁰. А. Л. Юрганов обратил внимание на противоречия в показании источников — как уже отмечалось, в официальной летописи не пишется о крестоцеловании. По словам исследователя, в Воскресенской летописи отсутствие этого сюжета выражает определенную тенденцию: нарушение крестного целования воспринималось в средневековом обществе как страшный грех. А нарушение «правды» (клятвенного обещания) — проступок менее тяжелый, за который наказанием была только словесная опала¹⁷¹. Таким образом, источник стремился по возможности обелить правительственную сторону. Однако показания других источников, причем не только сочувственно настроенных к удельному князю, но и нейтральных (Летопись по списку Дубровского), делает факт крестоцелования несомненным.

Официальные летописи подчеркивают, что Овчина Телепнев дал «правду» князю Андрею самовольно, без санкции московских властей¹⁷². Другие источники об этом не упоминают¹⁷³. Исследователи неоднократно обращались к этому эпизоду. И. И. Смирнов отметил, что Воскресенская летопись и Летописец начала царства стремятся снять юридическую и моральную ответственность с правительства Елены Глинской за несоблюдение «правды», данной Овчиной. Однако это не могло никого ввести в заблуждение, так как «огромная политическая выгода для правительства Елены Глинской ... была очевидна». Причем, пишет далее историк, именно отсутствие у Овчины полномочий на заключение соглашения со Старицким облегчало ему ведение переговоров, так как в этом Телепнев мог исходить из того, что любое заключенное им соглашение не будет иметь юридической силы и не будет связывать правительство. Можно было предлагать любые условия, «хорошо зная, что эти условия никогда не будут выполнены»¹⁷⁴. Таким образом, можно понять, что И. И. Смирнов допускал возможность того, что Овчина Телепнев действовал в данном случае самостоятельно, исходя из соображений «политической целесообразности».

А. Л. Юрганов отмечал, что из показаний независимых источников следует, что Овчина брал обязательства перед удельным князем не самовольно, а получил

¹⁶⁸ ПСРЛ. Т. 8. С. 294.

¹⁶⁹ ПСРЛ. Т. 43. С. 241.

¹⁷⁰ ПСРЛ. Т. 26. С. 318.

¹⁷¹ Юрганов А. Л. Старицкий мятеж. С. 109.

¹⁷² ПСРЛ. Т. 8. С. 294; Т. 29. С. 29.

¹⁷³ Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. С. 224; ПСРЛ. Т. 43. С. 241; Т. 26. С. 318; Т. 34. С. 25.

¹⁷⁴ Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 71–72.

от правительства указание — «в случае переговоров обещать Андрею свободу и прощение»¹⁷⁵. М. М. Кром также пишет о том, что Овчина Телепнев действовал согласно правительственному наказу. В своих рассуждениях исследователь опирается на летописные источники и на предшествующие действия московских властей. На переговорах «московские воеводы лишь прибегли к тактике, которую ранее уже использовали другие эмиссары правительства». Кроме того, роль, которую И. Ф. Овчина играл при дворе, делает невозможным «наличие каких-то разногласий ... между великой княгиней и ее фаворитом»¹⁷⁶. Доводы А. Л. Юрганова и М. М. Крома представляются вполне обоснованными.

После заключения соглашения 19 мая «мятеж» завершился. Князь Андрей поехал в Москву вместе с правительственными воеводами¹⁷⁷. Вероятно, перед отъездом или с дороги Старицкий отправлял послания, которые упоминаются в архивных описях XVII в. Они находились в связке, «а в ней грамоты ... от князя Ондreja Ивановича к великой княгини Елене и к сыну ее к великому князю Ивану Васильевичю всеа Руси, до царского венчанья, и к митрополиту к Даниилу, и к бояром, как присылал бити челом за свои вины, в 7045-м году»¹⁷⁸. Все документы, связанные с отношениями центрального правительства с уделом, находились, очевидно, в одной связке. Формулировка «бити челом за свои вины» предполагает, что князь серьезно провинился, но надеется на прощение. Понятно, что в этих посланиях речь могла идти лишь о событиях, которые произошли после 2 мая 1537 г., так как сохранившиеся наказные речи Старицкого от апреля месяца не подходят под выражение «бити челом за свои вины»¹⁷⁹. В то же время закончившийся «мятеж» располагал к просьбе о прощении. Можно сделать вывод, что послание было не одно, а их было несколько, адресованных отдельно Елене Глинской, Ивану IV, митрополиту Даниилу и Боярской думе.

Когда же князь Андрей выехал в Москву? Можно полагать, что это произошло буквально на следующий день после завершения переговоров с Овчиной Телепневым. Это мнение подтверждает и сообщение Новгородской летописи по списку Дубровского: «И помысли князь Андреи, и в том часе поеха к Москве, и приеха ... и поиде бити челом государю великому князю всеа Руси и просити прощенья о своем безумии»¹⁸⁰. Летопись свидетельствует, что в Москву удельный князь отправился «в том часе», то есть сразу после заключения соглашения. Если стороны договорились, по моим расчетам, 19 мая, то уже 20-го отправились в столицу. От деревни Зайцево, в нескольких километрах от которой находился Старицкий, до Москвы по прямой 444 км, по современным дорогам — 473 км.

¹⁷⁵ Юрганов А. Л. Старицкий мятеж. С. 109–110.

¹⁷⁶ Кром М. М. «Вдовствующее царство»... С. 214–216.

¹⁷⁷ Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. С. 234; ПСРЛ. Т. 8. С. 294; Т. 29. С. 29; Т. 34. С. 25.

¹⁷⁸ Описи царского архива XVI века и архива Посольского приказа 1614 года. М., 1960. С. 48; Опись архива Посольского приказа 1626 г. М., 1977. Ч. 1. С. 313.

¹⁷⁹ Наказные речи Андрея Старицкого // СГГД. Ч. 2. С. 37–38. № 30.

¹⁸⁰ ПСРЛ. Т. 43. С. 241.

Очевидно, И. Ф. Овчина, ехавший вместе с князем Андреем, торопился добраться до столицы. Как пишет Вологодско-Пермская летопись, «и приехал князь Ондрей Иванович на Москву июня, в четверг, а в субботу князь великий Иван велел князя Ондreja поимати»¹⁸¹. Постниковский летописец уточняет, что Старицкий был арестован 1 июня, в субботу¹⁸². Однако еще А. А. Зимин заметил, что в 1537 г. суббота приходилась на 2 июня¹⁸³. Учитывая все это, М. М. Кром пришел к вполне обоснованному выводу, что если два независимых друг от друга источника называют один день недели (субботу), то ошибка в числе была допущена в Постниковском летописце. Получается, что Старицкий прибыл в Москву в четверг 31 мая, а арестован был в субботу 2 июня¹⁸⁴.

Если князь Андрей выехал 20 мая, а приехал в столицу 31 мая, то расстояние от Зайцево до Москвы было преодолено за двенадцать дней, что вполне возможно. Повесть о поимании Андрея Старицкого описывает один эпизод, который произошел уже недалеко от Москвы. Один из стольников удельного князя, князь Иван Шах Чернятинский, «видев государя своего ... незгду нача советовати з столпники с княж с Ондреевыми, дабы ему сложити с собя князю Ондрею Ивановичу крестное цолованье, убоявся поиманья от великого князя». Однако никто не поддержал Чернятинского. Уже у самой Москвы он стал складывать с себя крестное целованье перед Иваном Ивановичем Колычевым Умным, «чтобы князю сказал. Иван же Умой в том ему слове отречеся...»¹⁸⁵

Прибывший 31 мая в Москву князь Старицкий был арестован 2 июня. Интересно отметить, что арест произошел не сразу. Можно предположить, что в московской элите не было полного единства в вопросе о дальнейшей судьбе удельного князя. Смущали, вероятно, крестное целование и обещания, которые дал Овчина. Известно, что князь Андрей так и не встречался с великим князем и Еленой Глинской¹⁸⁶. То, что многие не одобряли ареста, говорят и некоторые источники. Даже официальные летописи вынуждены мотивировать действия властей. Так, Воскресенская летопись указывает на то, что «правда» И. Ф. Овчиной Телепневым была дана без согласования с Москвой¹⁸⁷, а Летописец начала царства добавляет к этому «чтобы впредь такие заматни и волнения не было, понеже многие люди московские поколебалися были»¹⁸⁸. В целом благожелательная к власти Новгородская летопись по списку Дубровского пишет: «И государь князь велики Иван Васильевич ... токмо единому Богу сведущо что о нем помысли, и повеле в то время князя Ондreja поймав посадити»¹⁸⁹. Понятно, что в действительности решение принимал не Иван IV, а его мать и ее окружение. В этой связи

¹⁸¹ ПСРЛ. Т. 26. С. 318.

¹⁸² ПСРЛ. Т. 34. С. 25.

¹⁸³ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 247. Примеч. 3.

¹⁸⁴ Кром М. М. «Вдовствующее царство»... С. 217.

¹⁸⁵ Тихомиров М. Н. Малоизвестные летописные памятники XVI в. С. 234.

¹⁸⁶ ПСРЛ. Т. 26. С. 318.

¹⁸⁷ ПСРЛ. Т. 8. С. 294.

¹⁸⁸ ПСРЛ. Т. 29. С. 29.

¹⁸⁹ ПСРЛ. Т. 43. С. 241.

очень интересным выглядит сообщение Новгородской второй летописи: «Того же лета поймали князя Ондreja Ивановича ... великая княгиня Олена, да митрополит Данил»¹⁹⁰. Вполне вероятно, что митрополит сыграл не последнюю роль в принятии окончательного решения, освободив Овчину (и Елену Глинскую) от греха ложного крестоцелования.

Старицкий попал в заключение в ту же Набережную палату, где ранее находился Юрий Дмитровский. На опального удельного князя положили «великую тягость» — оковы¹⁹¹. Очевидно, что Андрей Иванович не должен был выйти из под ареста, условия содержания должны были вскоре уморить «мятежника». Неслучайно автор одной из летописей упоминает, что князя Андрея «умориша ... смертию»¹⁹².

Старицкий князь умер «в нуже страдальческой смертью» 10 декабря 1537 г., всего через шесть с небольшим месяцев после ареста. Похоронили его в Архангельском соборе — усыпальнице московских князей, рядом с братом Юрием. Летописец приводит интересную подробность — «на мертвом и железа отерли». Перед погребением пришлось стирать следы железных оков¹⁹³.

Жена князя Андрея Ефросинья также попала в заключение, условия которого были, впрочем, гораздо легче. Она, по сообщению источников, находилась под домашним арестом («за приставы») в Кремле на Берсеневом дворе¹⁹⁴. Маленького князя Владимира (двоюродного брата Ивана IV) сначала передали на «бережение» Федору Карпову, а затем, спустя короткое время, «к матери же его посадили в тын»¹⁹⁵.

Кроме самого князя Андрея и его семьи репрессиям подверглись и его бояре и приближенные. Воскресенская летопись перечисляет опальных: удельные бояре Ф. Д. Пронский, И. А. Оболенский Пенинский, дворецкий Ю. А. Меньшой Оболенский Пенинский, конюший Б. И. Палецкий. Пострадали князья и дети боярские, которые у Старицкого «в избе бывали и его думу ведали», — Ю. А. Большой Оболенский Пенинский, И. И. Лобанов Умной Колычев, И. А. Хованский. Их казнили торговой казнью и, оковав, посадили в угловую башню Кремля. Князь Ф. Д. Пронский не вынес тяжелых условий заключения и умер в темнице¹⁹⁶. В Вологодско-Пермской летописи список опальных несколько отличается: не упомянуты князья Оболенские Пенинские и князь Палецкий, зато добавлены два князя Чернятинских. Кроме того, летопись сообщает: «и иных многих детей боярских княж Ондреевых переимаша и по городам разослаша»¹⁹⁷. Можно предположить, что санкции затронули значительное количество служилых людей Старицкого

¹⁹⁰ ПСРЛ. Т. 30. С. 204.

¹⁹¹ ПСРЛ. Т. 8. С. 294; Т. 26. С. 318; Т. 22. С. 524; Т. 30. С. 182, 204; Т. 34. С. 25–26.

¹⁹² ПСРЛ. Т. 30. С. 204.

¹⁹³ ПСРЛ. Т. 29. С. 31; Т. 34. С. 26.

¹⁹⁴ ПСРЛ. Т. 8. С. 294; Т. 29. С. 30; Т. 26. С. 318; Т. 30. С. 182.

¹⁹⁵ ПСРЛ. Т. 34. С. 25–26.

¹⁹⁶ ПСРЛ. Т. 8. С. 294–295. — Те же лица перечислены и в других источниках (см.: ПСРЛ. Т. 30. С. 182; Т. 34. С. 26).

¹⁹⁷ ПСРЛ. Т. 26. С. 318.

удела. Есть сведения, что приближенных князя Андрея собирались казнить, но митрополит Даниил «смертную казнь ... отпросил»¹⁹⁸.

Новгородские помещики, перешедшие на сторону князя Андрея, не могли рассчитывать на прощение. Некоторых казненных летопись называет по именам: А. И. Пупкова и Г. В. Колычева. Иван Грозный в своем послании А. М. Курбскому назвал еще одно имя — князя И. С. Ярославского¹⁹⁹. Всего, по сообщению официального источника, казнили тридцать человек, их били кнутом в Москве, а затем повесили по новгородской дороге²⁰⁰. В самом Великом Новгороде казнили пятерых 7 октября 1537 г.²⁰¹ Таким образом, следствие шло почти полгода.

В источниках есть упоминание о каких-то волнениях в Москве во время «мятежа» Андрея Старицкого. Летописец начала царства упоминает, что арест Старицкого произошел из-за того, что «многие люди московские поколебались были»²⁰². Новгородская летопись по списку Дубровского указывает, что «бысть на Москве волнение велико»²⁰³. На основании этих скудных сообщений исследователи делали разные выводы о характере этих «волнений».

П. П. Смирнов полагал, что в Москве «произошло какое-то движение ... вызванное, возможно, перспективой отпадения Новгородской земли»²⁰⁴. С. В. Бахрушин считал, что в волнениях принимали участие не столько городские низы, сколько феодалы, что доказывается, с точки зрения ученого, последовавшими вслед за подавлением «мятежа» казнями феодалов²⁰⁵. Взгляды этих историков были подвергнуты критике И. И. Смирновым, который пришел к выводу, что это было выступление городских низов, являвшееся формой антифеодальной борьбы. Потрясения внутри господствующего класса, связанные с «мятежом» Андрея Старицкого, «способствовали обострению противоречий внутри городского населения Москвы», выражением чего и было волнение в столице. Вообще, «правильная оценка характера волнений в Москве в 1537 г. может быть дана, если рассматривать их в перспективе развития классовой борьбы ... высшей точкой подъема которой явилось восстание московских черных людей в июне 1547 г.»²⁰⁶

И. Я. Фроянов пришел к выводу о том, что волнение в Москве охватило не только городские низы, но более широкий круг людей. К движению примкнули представители княжеско-боярской знати, «сея смуту в сознание посадских людей ложными сведениями и побуждая их к беспорядкам». Это было не антифеодальное движение, а социально-политическое, в основе которого была борьба за власть

¹⁹⁸ Сборник РИО. Т. 59. С. 137; ПСРЛ. Т. 30. С. 182.

¹⁹⁹ Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским. С. 27.

²⁰⁰ ПСРЛ. Т. 8. С. 295; Сборник РИО. Т. 59. С. 137–138.

²⁰¹ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. С. 616.

²⁰² ПСРЛ. Т. 29. С. 29.

²⁰³ ПСРЛ. Т. 43. С. 240.

²⁰⁴ *Смирнов П. П.* Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. М.; Л., 1947. С. 105.

²⁰⁵ *Бахрушин С. В.* Классовая борьба в русских городах XVI – начала XVII века // Бахрушин С. В. Научные труды. Т. 1. М., 1952. С. 208.

²⁰⁶ *Смирнов И. И.* Очерки политической истории Русского государства... С. 74.

и влияние с целью остановить созидание на Москве «истинного христианского самодержавства». Историк считает, что верная оценка этих волнений может быть дана, если рассматривать их в перспективе развития самодержавия и в плане борьбы с самодержавной властью в Москве²⁰⁷.

Хочется отметить, что источники, по моему мнению, не дают оснований для каких-то конкретных выводов по поводу выступлений в столице в 1537 г. Интересно также отметить, что из многочисленных свидетельств о событиях, связанных с «мятежом» Андрея Старицкого, только две летописи содержат смутные сведения о волнениях в Москве. Ничего об этом не говорится, например, в Воскресенской летописи, Повести о поимании Андрея Старицкого, Постниковском летописце. Упоминание о том, что «многие люди московские поколебались» находится в официальном Летописце начала царства, который появился в 50-е гг. XVI в. Вполне возможно, что появление этой туманной фразы было вызвано стремлением оправдать арест удельного князя в нарушение данных от имени правительства И. Ф. Овчиной Телепневым обещаний. Новгородская летопись по списку Дубровского, упоминающая о «великом волнении» в Москве, вероятно, просто противопоставляет Великий Новгород и столицу, в которой из-за происков «врага» (Дьявола. — *В. III.*) начинаются события, приведшие к «мятежу» удельного князя. Если бы какие-нибудь волнения в Москве действительно имели место в 1537 г., то их не преминули бы отметить официальная Воскресенская летопись или хорошо осведомленный о московских делах автор Постниковского летописца. Думаю, что в действительности все «волнения» и «колебания» в столице ограничивались обсуждением поступающих новостей и не вылились в конкретные действия, которые можно было бы трактовать как «движение социальных низов» или «представителей княжеско-боярской знати». Обратим также внимание на то, что нет известий о присоединении к «мятежу» удельного князя влиятельных московских деятелей. И это несмотря на то, что за недолгое правление Елены Глинской многие знатные семьи были затронуты опалами и казнями²⁰⁸. Попытки И. Я. Фроянова доказать участие в событиях М. В. Тучкова и Ф. С. Колычева основываются на косвенных данных и не являются, по-моему, достаточно убедительными²⁰⁹. Вполне вероятно, что москвичи опасались в случае успеха Старицкого оказаться оттесненными от двора окружением удельного князя.

Завершая рассмотрение событий, связанных с «мятежом» Андрея Старицкого, хочется отметить, что это не была попытка «мобилизации всех реакционных сил для борьбы против централизованного государства»²¹⁰ или борьба с «последним очагом удельно-княжеской оппозиции в малолетство Ивана IV»²¹¹. Шла борьба за власть в уже едином государстве, в 1537 г. решался вопрос о личности государя²¹².

²⁰⁷ Фроянов И. Я. Драма русской истории. С. 398–400.

²⁰⁸ Кром М. М. «Вдовствующее царство»... С. 220.

²⁰⁹ Фроянов И. Я. Драма русской истории. С. 387–398.

²¹⁰ Смирнов И. И. Очерки политической истории Русского государства... С. 73.

²¹¹ Зимин А. А. Реформы Ивана Грозного. С. 248.

²¹² Юрганов А. Л. Старицкий мятеж. С. 110.

М. М. Кром пишет о проявлении острого политического кризиса, в значительной степени спровоцированного самим правительством²¹³. Думаю, для основных участников событий (Елены Глинской, Андрея Старицкого, И. Ф. Овчины Телепнева) этот конфликт был неизбежен, особенно после смерти в заключении Юрия Дмитровского. Это сразу же делало старицкого князя основным династическим соперником малолетнего Ивана IV, особенно учитывая недееспособность князя Юрия Васильевича — младшего сына Василия III. Оставаясь на свободе, князь Андрей представлял опасность для племянника, что прекрасно понимали и великая княгиня Елена и сам князь Старицкий. Таким образом, вопрос был лишь в том, когда и как развернутся события. С устранением удельных князей у Ивана IV не осталось реальных династических соперников, чего, очевидно, и добивалась Глинская. Вполне возможно, именно это и позволило будущему первому русскому царю сохранить корону и жизнь в бурных перипетиях боярского правления, наступившего после смерти матери.

Данные о статье

Автор: Шапошник, Вячеслав Валентинович, доктор исторических наук, профессор исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета, Санкт-Петербург, Россия, shaposhnik_67@mail.ru

Заголовок: «Мятеж» Андрея Старицкого (осень 1536 – июнь 1537 г.)

Резюме: В статье, на основании широкого круга источников как официального, так и независимого происхождения, рассматриваются вопросы, связанные с «мятежом» удельного князя Андрея Ивановича Старицкого — дяди великого князя Ивана IV. Конфликт между удельным и московским дворами назревал несколько лет и перешел в открытую фазу весной 1537 г., после смерти в заключении Юрия Дмитровского и отказа князя Старицкого явиться в Москву. Взрослый дядя был реальным династическим соперником для своего малолетнего племянника, что понимала правящая за сына великая княгиня Елена Глинская. В статье делается вывод о том, что у удельного князя был заранее разработанный план действий, рассматривается маршрут движения удельных сил, хронология событий, действия великокняжеских воевод.

Ключевые слова: Андрей Старицкий, Елена Глинская, Иван IV, мятеж

Литература, использованная в статье

Бахрушин, Сергей Владимирович. Классовая борьба в русских городах XVI – начала XVII века // Бахрушин, Сергей Владимирович. Научные труды. Т. 1. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1952. С. 204–236.

Бенцианов, Михаил Михайлович. Двор князя Андрея Старицкого и проблема «старицкого мятежа» 1537 г. // Древняя Русь. Проблемы медиевистики. 2012. № 4 (50). С. 64–76.

Зимин, Александр Александрович. Реформы Ивана Грозного. Москва: Издательство социально-экономической литературы, 1960. 511 с.

Кром, Михаил Маркович. «Вдовствующее царство»: Политический кризис в России 30–40-х годов XVI века. Москва: Новое литературное обозрение, 2010. 888 с.

²¹³ Кром М. М. «Вдовствующее царство»... С. 220.

Смирнов, Иван Иванович. Очерки политической истории Русского государства 30–50-х годов XVI века. Москва; Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1958. 516 с.

Смирнов, Павел Петрович. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Москва; Ленинград: Издательство Академии наук СССР, 1947. 490 с.

Тихомиров, Михаил Николаевич. Малоизвестные летописные памятники XVI в. // Тихомиров, Михаил Николаевич. Русское летописание. Москва: Наука, 1979. С. 220–231.

Федоренко, Леонид Захарович. Тактика конницы. Москва: Государственное военное издательство Наркомата обороны Союза ССР, 1936. 293 с.

Фроянов, Игорь Яковлевич. Драма русской истории: На путях к Опричнине. Москва: Парад, 2007. 952 с.

Шапошник, Вячеслав Валентинович. «Мятеж» Андрея Старицкого в отечественной историографии // Русские древности: К 75-летию профессора И. Я. Фроянова. Санкт-Петербург: Исторический факультет СПбГУ, 2011. С. 259–269.

Юрганов, Андрей Львович. Старицкий мятеж // Вопросы истории. 1985. № 2. С. 100–110.

Information about the article

Author: Shaposhnik, Vyacheslav Valentinovich, Doctor in History, Professor of the Department of History of Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia, shaposhnik_67@mail.ru

Title: «Mutiny» of Andrey Staritskiy (autumn of 1536 – June, 1537)

Summary: Based on a wide range of both official and independent sources, the article examines the questions related to the «mutiny» of the appanage prince Andrey Ivanovich Staritskiy — uncle of the Grand Prince Ivan IV. The conflict between the appanage and Moscow courts that had been imminent for several years became an open rift in spring of 1537, after the death of imprisoned Yury Dmitrovskiy and refusal of Prince Staritskiy to come to Moscow. The grown-up uncle had been a real dynastic rival for his underage nephew, which was well understood by the Grand Princess Elena Glinskaya ruling on behalf of her son. The article concludes that the appanage prince had a prefabricated operation plan and considers appanage troops march routes, chronological sequence of events, and actions of the Grand Princess voivods.

Keywords: Andrey Staritskiy, Elena Glinskaya, Ivan IV, mutiny

References (Transliteration)

Bakhrushin, Sergey Vladimirovich. Klassovaya bor'ba v russkikh gorodakh XVI – nachala XVII veka [The Struggle Between the Classes in Russian Cities in the 16th – beginning of the 17th centuries], in Bakhrushin S. V. (ed.). *Nauchnye trudy*. T. 1. Moskva: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1952. S. 204–236.

Bentsianov, Mikhail Mikhaylovich. Dvor knyazya Andrey Staritskogo i problema «staritskogo myatezha» 1537 g. [The Court of the Prince Andrey Staritskiy and the Issue of the «Staritskiy Mutiny» of 1537], in *Drevnyaya Rus'. Problemy medievistiki*. 2012. № 4 (50). S. 64–76.

Zimin, Aleksandr Aleksandrovich. *Reformy Ivana Groznogo* [The Reforms of Ivan the Terrible]. Moskva: Izdatel'stvo sotsialno-ekonomicheskoy literatury, 1960. 511 s.

Krom, Mikhail Markovich. «Vdovstvuyushchee tsarstvo»: *Politicheskoy kri-zis v Rossii 30–40-kh godov XVI veka* [«Widowed Kingdom»: The Political Crisis in Russia in 1530s–1540s]. Moskva: Novoe literaturnoe obozrenie, 2010. 888 s.

Smirnov, Ivan Ivanovich. *Ocherki politicheskoy istorii Russkogo gosudarstva 30–50-kh godov XVI veka* [Essays on the Political History of the Russian State in 1530s–1550s]. Moskva; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1958. 516 s.

- Smirnov, Pavel Petrovich. *Posadskie lyudi i ikh klassovaya bor'ba do serediny XVII veka* [*The Tradespeople and Their Class Struggle up to the Middle of the 17th century*]. Moskva; Leningrad: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR, 1947. 490 s.
- Tikhomirov, Mikhail Nikolaevich. Maloizvestnye letopisnye pamyatniki XVI v. [*Little Known Chronicle Monuments of 16th century*], in Tikhomirov M. N. (ed.). *Russkoe letopisanie*. Moskva: Nauka, 1979. S. 220–231.
- Fedorenko, Leonid Zakharovich. *Taktika konnitsy* [*Cavalry Tactics*]. Moskva: Gosudarstvennoe voennoe izdatel'stvo Narkomata oborony Soyuza SSR, 1936. 293 s.
- Froyanov, Igor' Yakovlevich. *Drama russkoy istorii: Na putyakh k Oprich-nine* [*The Tragedy of the Russian History: On the Way to Oprichnina*]. Moskva: Parad, 2007. 952 s.
- Shaposhnik, Vyacheslav Valentinovich. «Myatezh» Andrey Staritskogo v otechestvennoy istoriografii [Andrey Staritsky's «Mutiny» in the National Historiography], in *Russkie drevnosti: K 75-letiyu professora I. Ya. Froyanova*. Sankt-Peterburg: Istoricheskiy fakul'tet SPbGU, 2011. S. 259–269.
- Yurganov, Andrey L'vovich. Staritskiy myatezh [Staritsky Mutiny], in *Voprosy istorii*. 1985. № 2. S. 100–110.